КРОКОДИЛ

Планирующие органы нередко судят о сельском покупателе по давним временам.

СЕЛЬМАГ

НОВЫЯ МОДЫ И ВЕЩИ

В КАРЕТЕ ПРОШЛОГО

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Юрий БЛАГОВ

Пятидесятый

Мы приближаемся с волненьем
К большому празднику страны,
И чувством радости весенней
Все наши помыслы полны.
Страна с годами хорошеет,
Как молодой цветущий сад,
И сердце верит и не верит,
Что нам уж скоро пятьдесят...

Когда мы Зимний штурмом взяли,
Мы мирно жить мечтали, но
Пошли на нас Юденич, Врангель,
Колчак и прочее Махно.
Их за кордоном подкормили,
И, взяв палаческий подряд,
Они душили, жгли, рубили...
Но нам уж скоро пятьдесят!

Кривлялся Гитлер бесноватый,
Встав на высокий пьедестал,
«Географическим понятьем»
Он нашу Родину считал.

Не соразмерил фюрер силу...
Года бегут, и дни летят —
Пойди найди его могилу...
А нам уж скоро пятьдесят!

Мы ценим мир, но думать рано,
Что час покоя наступил,
Что бог войны и чистогана
Навек оружие сложил.
Но кто б ни выл, ни улюлюкал
И не порочил наш уклад,
Мы — навсегда! Тому порукой,
Что нам уж скоро пятьдесят!

ВРЕМЯ, КОТОРОЕ НЕ НАЧИНАЛОСЬ

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ...

На днях, перелистывая старые книги, я наткнулся на мятую розовую бумажку с датой — 27 марта 1917 года. «Облигации сего пятипроцентного займа,— прочел я на бумажке,— погашаются по нарицательной цене в течение 49 лет тиражами, производимыми один раз в год, начиная с декабря 1922 года». А чуть ниже значилось: «Заем свободы 1917 года, выпущенный на основании Постановления Временного правительства».

Вот оно что... Теперь я уже иначе смотрел на бумажку, сплошь покрытую затейливыми росписями, оставленными кучкой людишек с белоснежными манжетами, употреблявших коньяк Шустова и слабительные пилюли «Ара», людишек, поделивших министерские кресла и восемь месяцев восседавших на них, пока не раздался в Зимнем суровый голос: «Которые тут временные? Слазь!..»

* * *

Тогда, 27 марта, им казалось, что их время только начинается, хотя все было наоборот. Тогда министр—председатель Временного правительства князь Г. Львов — постучал фамильным перстнем о стол, призывая к тишине, и сказал:

— Господа! К вам, граждане великой свободной России, к тем из вас, кому дорого будущее нашей родины, обращаем мы наш призыв!

Министры недоуменно переглянулись, а князь Львов продолжал еще громче:

— Да-да! Сильный враг глубоко вторгся в наши пределы, грозит сломить нас и вернуть к старому, ныне мертвому строю!

Среди министров прошел ропот. А князь Львов закричал:

— Только напряжение всех наших сил может дать нам желанную победу! Нужны затраты многих миллиардов, чтобы спасти страну и завершить строение свободной России на началах равенства и правды! Не жертв требует от нас родина, а исполнения долга!

Министр юстиции, в недавнем прошлом трудовик, а ныне эсер Керенский, сказал, криво усмехаясь:

— Господин председатель, мне и, естественно, моим коллегам господам министрам непонятно, отчего те высокие слова, которые вы только что произнесли, обращены к нам.

— Да еще с такой серьезной миной...— пробормотал военный и морской министр октябрист Гучков.— Будто мы, извините, не министры, а...

— Да нет же, господа! Фу, какие вы! — рассмеялся князь Львов. — Эти слова к нам никакого отношения не имеют. Они обращены к народу.

Министры успокоились.

— Эти слова,— продолжал князь Львов,— будут напечатаны на каждой облигации «Займа свободы», который мы распространим в народе. Прошу вас, господа, расписаться на макете. Для большей убедительности.

Министры столпились у стола, вырывая друг у друга перо. Каждому хотелось войти в историю чуточку раньше ближнего. Мощной волной гладких спин и упругих животов худой и желчный Керенский был отброшен назад, отчего подпись его оказалась самой последней. Поставив жирную точку, Керенский неопределенно пробормотал:

— Ну, это мы еще посмотрим...

Подписи были поставлены. На радость всем, кто собирает автографы.

— А теперь,— сказал князь Львов,— удовлетворим нужды крестьянства. Разрешим аграрный вопрос.

— Правильно! — раздались возгласы.— Давно пора! Назрело!

— Очень хорошо,— продолжал князь Львов,— вот и утвердим распоряжение о привлечении крестьян к уголовной ответственности за участие в аграрных беспорядках.

— И примем закон об охране посевов,— добавил министр земледелия кадет Шингарев,— который будет гарантировать возмещение затрат на посевы...

— Землевладельцам,— добавил министр путей сообщения кадет Некрасов.

— В случае народных волнений,— добавил обер-прокурор Святейшего Синода, центрист и однофамилец министра-председателя В. Львов.

— Правильно! — раздались возгласы.— Давно пора! Назрело!

— Господа! — крикнул министр иностранных дел кадет Милюков.— Господа! Сюрприз! Телеграф только что принес радостную весть: нас признала Америка, нас признали Англия и Франция! Ура, господа!

— Ура! — грянули одиннадцать «временных» глоток, и своды Зимнего дворца содрогнулись. Министры испуганно замолкли, а своды затряслись еще сильнее.

— Демонстрация, господа! — дурным голосом крикнул кто-то.— Смотрите, лозунг: «Вся власть Советам!».

— Пустяки, господа,— укоризненно произнес князь Львов,— вспомните лучше, что наши облигации будут погашаться в течение сорока девяти лет. Это ли не залог прочности нашей власти! Время принадлежит нам. Продолжим заседание, господа...

* * *

В мае семнадцатого года Керенский перебрался с последней ступеньки правительственной лестницы на вторую. Когда под напором революционных масс вылетели из правительства ненавистные Милюков и Гучков и было сформировано первое коалиционное Временное правительство, он занимал уже второе место по списку, будучи военным и морским министром.

Но никакого нового правительства не было. Улепетывая от кризиса, князь Львов и иже с ним перетасовали портфели, как колоду карт. Политика осталась прежней, и вскоре правительство отдало распоряжение о наступлении на фронте. А заодно и о расстреле мирной демонстрации в Петрограде.

После этих двух распоряжений подписывать другие стало безумно трудно, ибо стулья под коалиционным правительством начали шататься и угрожающе скрипеть. Не выдержал скрипа князь Львов — заткнул уши и убрался в отставку.

В ветхое кресло председателя плюхнулся властолюбивый Керенский. И так же, как его предшественник, начал с лозунгов:

«К вам, граждане великой свободной России!..»

И 5 июля были разгромлены большевистские газеты.

«Спасем от гибели нашу свободу и достояние!».

И 7 июля подписан приказ об аресте В. И. Ленина.

«Завершим строение свободной России на началах равенства и правды!..»

И 12 июля введены смертная казнь и военно-полевой суд на фронте.

Впрочем, лозунги теперь произносились вполсилы. Вскоре они и вовсе стали лишними. Теперь маскировка была ни к чему. Керенский вступил в открытый союз с кадетами. 24 июля было создано второе коалиционное правительство.

Это правительство отличалось от первого: в нем имелась новая должность — зам. председателя, он же министр финансов.

Наверное, поэтому был выпущен еще один заем. Правда, без обращения к народу и с одним-единственным автографом управляющего Государственной комиссией погашения долгов.

27 августа Корнилов поднял мятеж, потребовав, чтобы Временное правительство вышло в отставку, передав всю власть ему, Корнилову.

Революционные массы подавили мятеж, а правительственный кризис достиг тем временем своего апогея. Керенский мрачно теребил свой керенский ежик и мучительно искал выхода.

Выхода не было, хотя в поисках его власть перешла к Директории — Совету пяти во главе с Керенским. 1 сентября Россия была провозглашена республикой. В этой «республике» существовали Государственная дума и правительствующий Сенат, а рядом с Директорией действовало Временное правительство. Воистину «все смешалось в доме Керенских»...

Устав теребить свой ежик, Керенский решается на последний шаг: 25 сентября создается новое, третье коалиционное правительство.

Через месяц, в 2 часа 10 минут ночи, правительство собралось на свое последнее совещание. На нем присутствовали и представители Красной гвардии. При этом — с правом решающего голоса. После краткого совещания правительство в полном составе, исключая председателя, под красногвардейским конвоем направилось в свою новую резиденцию — в Петропавловскую крепость. Председатель же Керенский в машине под американским флагом мчался в это время по холодному Петрограду.

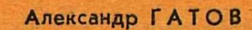
* * *

Я осторожно положил мятую розовую бумажку на прежнее место — в старую книгу. А книгу поставил на полку.

За окном сияло лето 1967 года. Года, до которого Временное правительство надеялось дожить целым и невредимым.

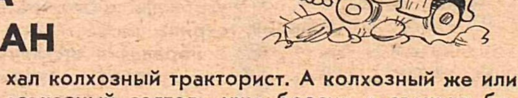
Каким это сейчас кажется нелепым и смешным!

А. ХОДАНОВ

— Ну, теперь-то шоферы уж не будут жаловаться, что простаивают у нашего элеватора!

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

ПЫЛЬ ДА ТУМАН

Вообще, дороги, как известно, дело темное, неисповедимое. Но вы не думайте, дорогой читатель, что царь природы — человек совсем уж не властен над силой слепой стихии — проселочной дорогой. Он с ней борется, и довольно успешно.

Например, дважды в год, аккурат весной и в ненастную осень, выходят хлеборобы Южного Урала, Кустанайской области и бывших целинно-залежных земель на борьбу с дорогами. Они спешно их запахивают.

Допустим, едет куда-нибудь по своим шоферским делам водитель грузового или легкового экипажа. Едет, весело посвистывает, а впереди клубятся, как им и положено, вышеозначенные осадки — пыль да туман.

Едет шофер обратно, и по-прежнему клубятся пыль да туман, а дороги уже нет. Ее запахал колхозный тракторист. А колхозный же или совхозный сеятель уже бросил в свежую борозду всякие сельскохозяйственные зерна.

А ехать-то надо! Невзирая на пыль, туман и бездумное рвение руководителей колхозов и совхозов.

И ведь куда как просто можно обойтись: пахать не поперек дороги, а вдоль. Либо разъяснить трактористу, чтобы поднимал лемех над дорогой...

И не надо так уж неистово бороться с дорогами. Большого вреда царю природы они причинить не могут. Даже наоборот, они полезны. Например, когда везешь по ним злаки, взращенные своею собственной рукой.

Шофер А. МАХОТИН

Челябинская обл.

Александр ГАТОВ

Иронические раздумья

СОВРЕМЕННОЙ ВАКХАНКЕ

Пусть ты вакханка,
Пусть сильфида.
Но, впрочем, мифы ни к чему,
Когда не подаешь и вида,
Что слову внемлешь моему!

Тебе, как мед гречишный в сотах,
Несу мой скромный дифирамб.
А ты живешь в своих заботах,
И что тебе хорей и ямб!

Да, ты — вакханка, но на бедрах
Сплетенных лоз и листьев нет,
Не фавн любуется, но отрок
На современный туалет —

На белый свитер и на ноги
В столь ало-огненных чулках,
Что и пожарные в тревоге:
Не надо ль мчаться впопыхах!

Ты куришь в кресле полулежа,
Вся в сигареточном дыму...
Его не выдержала б лошадь,
И как жива ты — не пойму.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

(Недетская сказка)

Ее по моде
Одел поэт:
Черные джинсы,
Красный берет.
Выйдя из «Волги»,
Стоит на развилке:
— То ли в «Костер»!
— То ли к «Мурзилке»!
Думала-думала —
Выбор тяжел.

А навстречу из лесу
Волк голодный шел:
— Дай тебя откушаю!
Вздрогнула она.
Плюнул волк, попробовав:
— Как ты невкусна!
Ни тебе к «Мурзилке»,
Ни тебе в «Костер»!
Возвращайся к автору —
Пусть не пишет вздор!

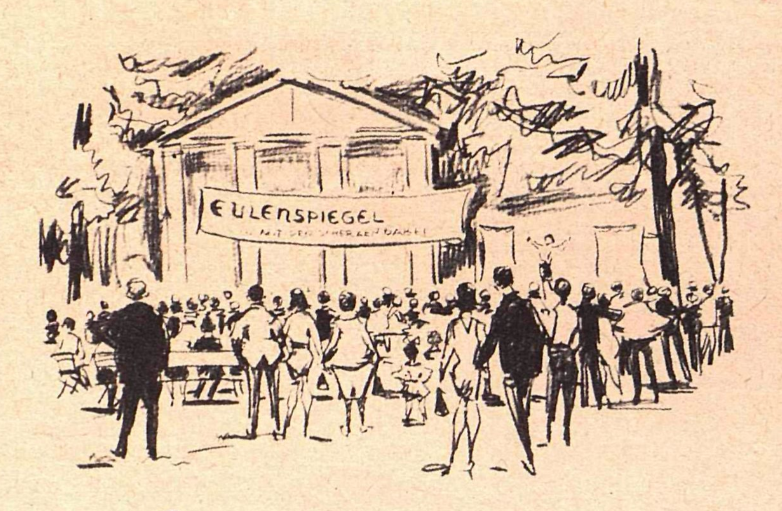
ДВА ГОЛОСА

Два голоса в душе ношу.
Один грохочет прокурором:
Не так живу, не так пишу...
Я глух к упрекам и укорам.

Второй принадлежит льстецу,
И он, к несчастью, мне по нраву.
И благодарен подлецу
Я за букет похвал лукавых.

Что ж, так и дальше буду жить!
Льстецу не кончится потворство,
И не сумею заглушить
Медоточивое притворство!

Смогу ль заставить совесть я,
Чтобы в порыве озаренья
Душа очистилась моя
От яда самообольщенья!

Сатира на колесах

Огромный двухэтажный автобус так расцвечен флагами и транспарантами, что похож на шхуну во время свадьбы шкипера. Впереди, над ветровым стеклом, сова. Она символизирует не сонливость водителя и не его пристрастие к ночным поездкам, а то, что автобус сегодня — сатира и юмор на колесах. Сова — эмблема сатирического журнала ГДР «Ойленшпигель».

Двухэтажный сатирический ковчег важно плывет по шоссе. Мимо проносятся юркие «Трабанты», «Вартбурги», родные «Москвичи». Их гордые владельцы сосут сигары. Рядом с ними их чада и домочадцы: предстоит воскресный пикник.

Я сижу на втором этаже автобуса и изучаю популярность «Ойленшпигеля» в ГДР. Я вижу, как водители встречных машин, заметив впереди сову, улыбаются так, что сигары выпадают из ртов.

Мы едем в Марксвальде — деревню, расположенную километрах в 70 от Берлина, неподалеку от знаменитых Зееловских высот, где двадцать два года назад советские солдаты добивали гитлеровский фашизм.

Марксвальде вытянулась километра на два, совсем как наши села. На площади — обелиск с красной звездой. У подножия — букетики живых цветов. Совсем свежие.

Сегодня в Марксвальде праздник «Ойленшпигеля». По уже установившейся традиции журнал устраивает праздник сатиры и юмора каждый год в новом месте. Однажды его даже провели в скором поезде Берлин — Эрфурт.

Сам праздник еще не начался, но на площади уже играет духовой оркестр. Музыканты не столько играют, сколько пытаются отбиться от полчищ марксвальдовских мальчишек, которые норовят засунуть головы в разинутые сверкающие пасти геликонов или ударить палочкой по большому турецкому барабану.

Неторопливо шествуют марксвальдовцы повзрослей. На лицах улыбки. Чем еще, кроме улыбок и аплодисментов, могут отблагодарить они мастеров немецкого юмора и сатиры, собравшихся сегодня в их селе?

Возникает первый конфликт, доносятся трагические рыдания. Оказывается, вот-вот начнутся велосипедные гонки, в которых, как сказано в программе, могут принимать участие «молодые люди от 6 до 60». Гонки не простые. Победитель должен прийти к финишу последним. И плачет трехлетний малыш, дисквалифицированный сразу по двум статьям: юный возраст и трехколесный велосипед, который дал бы ему абсолютное преимущество перед норовящими упасть двухколесными.

Звучит пистолетный выстрел, и сотни две велосипедистов начинают отчаянно крутить рули, стараясь при этом как можно медленнее крутить педали. Велосипеды качаются, словно пьяные. Зрители азартно кричат: «Медленнее, медленнее, Фред!», «Куда ты мчишься, Карлхен?» Вот, не выдержав состязания с законами физики, падает один, другой, третий...

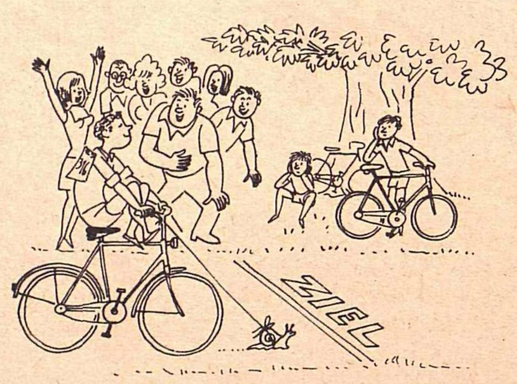
На лужайке натянуты веревки. На них, словно развешанное для просушки белье, полощутся под легким ветерком карикатуры.

Огромным успехом пользуется художник Ганс Бор, который непостижимо быстро вырезает из черной бумаги силуэты присутствующих. Силуэты похожи и вместе с тем смешны.

— О, это очень просто,— говорит художник.— Нужно взять листок бумаги, вот так, и быстро отрезать ножницами все лишнее. Что еще? Ну, так и быть, открою вам профессиональную тайну...

Ганс наклоняется к моему уху и тихо шепчет:

— Важно, чтобы ножницы были острыми...

На сцене, воздвигнутой прямо на лужайке, артисты сменяют писателей, художники — артистов, а всех их — детский хор Марксвальде. Микрофон один, а хор большой, и все стараются приткнуться поближе к нему.

Зато артисты сатирического кабаре «Шпоттланд ярд» с профессиональной ловкостью ухитряются оказаться как бы внутри микрофона, и их шутки гремят на всю Марксвальде.

Телекомментатор О. Ф. Вайдлинг сопровождает показ мод пояснениями:

— Это ночная рубашка, майне дамен унд геррен. Что?.. Ах, простите, оказывается, это модное нарядное платье для вечера... А теперь перед вами модный спортивный костюм... О, либер готт, опять я ошибся! Это ночная пижама...

Забыв о выдержке, хохочут манекенщицы, покатываются со смеху зрители.

Больше всех веселятся ребятишки, должно быть, те самые, которые лезли в пасть геликонов. Теперь они берут на абордаж эстраду, и манекенщицы вынуждены смотреть себе под ноги, чтобы ненароком не наступить на какую-нибудь двухлетнюю ценительницу мод сезона.

Снова выступают артисты-сатирики. Сотрудницы «Ойленшпигеля» бойко торгуют глиняными совами и книжками карикатур...

— Фильданк, большое спасибо,— говорит бургомистр Марксвальде. — Отличный праздник.

Никто не спорит. Так оно и есть.

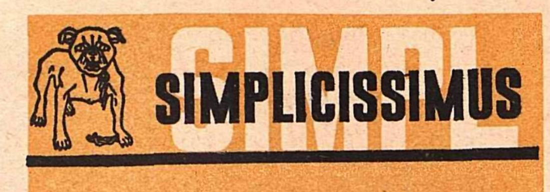
З. ЮРЬЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Марксвальде, ГДР.

Рисунки Гарри ПАРШАУ и Герхарда ВОНТРИ

Вместо некролога

У попа была собака...

У попа была собака.

Бульдожьей породы. С классическими бульдожьими челюстями и довольно свирепой физиономией. Впрочем, о физиономии несколько позже.

А сейчас поясним, что хозяином бульдога, собственно говоря, был не поп, а западногерманский бизнес. Бизнесмены, как водится, выжимали из суперхимии и сверхтехники жирные барыши и с аппетитом вкушали от золотого пирога сверхприбылей! А бульдог облизывал тарелки с барского стола и, обильно пуская слюну, глодал кости.

Его звали «Симплициссимус».

Но это не кличка, а название журнала. Хотя изображение пса неизменно сопровождал заголовок «Симплициссимуса», и это создавало известную путаницу. А тут еще такая коварная штука, как политическое направление и политическая физиономия.

«Симплициссимус» — один из старейших сатирических журналов в Европе, ему 71 год. Когда-то он был выразителем демократических устремлений немецкого общества, его надежд на торжество социальной справедливости. Недаром страницы журнала украшали славные имена — Томас Манн, Рейнер Рильке, Георг Гросс и другие. Пафос «Симплициссимуса» составляла подлинная сатира, бескомпромиссно обличавшая социальные уродства и социальное зло.

Правда, в политической биографии «Симплициссимуса» было немало извилин и зигзагов. Но вот приступили к делу творцы западногерманского «чуда», и бульдога взяли на сворку. Тот, кто крепко держал в руках поводок, непрерывно командовал:

— К ноге!

— Вперед!

— Ату! Ату!

И бульдог послушно выполнял все команды: ведь остатки жирного блюда на тарелке и сметенные со стола кости чего-то стоят. Бульдог старался.

В мире происходили разные события — радостные и печальные. Бульдог злобно нападал на освободительные движения народов, не скрывал своей радости, если поборников прогресса и демократии постигала неудача. Он кощунственно издевался над людьми и странами, которых посетило несчастье.

Он свирепо рычал на каждого, кто хотя бы робко напоминал о возможности мирного сосуществования двух германских государств и добрососедства между ними.

Особенное рвение бульдог проявлял во всем, что касалось нашей страны. В тех случаях, когда, по разумению его хозяев, следовало укусить Советский Союз, бульдог буквально давился бешеной слюной. Если бы в лагере антисоветизма были учреждены поощрительные медали, то все они давно красовались бы на ошейнике мюнхенского пса. Самые подлые антисоветские карикатуры появлялись не где-нибудь, а в «Симплициссимусе». Бульдог лаял даже на луну, и только потому, что на ее поверхность опустился советский лунник.

И вот новость: «Симплициссимус» прекратил свое существование. В чем причина?

Может быть, бульдог проявлял недостаточное рвение — рычал и лаял не так свирепо, как этого хотелось его хозяевам? Или, наоборот, перестарался и укусил не того, кого следовало бы? А может быть, того хуже: вонзил зубы в жирную ляжку кого-то из своих?

Сотрудник «Крокодила» связался с Мюнхеном, чтобы выяснить подлинные причины закрытия журнала. К телефону подошла фрау Штиндлер.

— Могу ли я поговорить с редактором?

— Он в отпуске.

— А есть кто-нибудь из ответственных сотрудников журнала?

— Да, я сейчас позову.

Телефонную трубку взяла фрау Энгерхардт, секретарь редакции.

— Скажите, пожалуйста, почему перестал выходить «Симплициссимус»? Означает ли это, что в Западной Германии больше никто не интересуется сатирой и юмором?

— О нет! Журнал закрылся по чисто коммерческим причинам. Итак, «Симплициссимусу» перестали давать рекламу. Бизнес перестал кормить своего пса.

Но это скорее не причина, а следствие. Очевидно, причина в другом.

«Симплициссимус» печатался на прекрасной бумаге и прекрасными красками. В журнале сотрудничали квалифицированные художники и фельетонисты. С точки зрения полиграфического оформления он был безукоризненным. Но пища, завернутая в эту блестящую упаковку, так дурно пахла, что люди отворачивались от нее. «Ужасы» коммунизма, которые, вылезая из кожи и выворачиваясь наизнанку, изображали на страницах «Симплициссимуса» его авторы, перестали пугать даже самых пугливых. Ведь и самая оголтелая антидемократическая, антикоммунистическая пропаганда нуждается во внешнем правдоподобии и убедительности. «Симплициссимус» же в своем угодническом стремлении выслужиться перед хозяевами утратил и то и другое.

В общем, журнал перестали покупать. А какой идиот будет платить деньги за рекламу в журнале, который, едва успев выйти из печатных машин, поступает в машины бумагорезательные!

Конечно, когда закрывается сатирический журнал, как будто нет повода для ликования.

Но в данном случае печалиться нет причин. Бесславный конец нынешним «Симплициссимусом» вполне заслужен.

Поэтому будем кратки.

У попа была собака.

Он ее убил.

М. СЕМЕНОВ

ИЗРАИЛЬСКИЙ СКОРПИОН В СИНАЙСКОЙ ПУСТЫНЕ

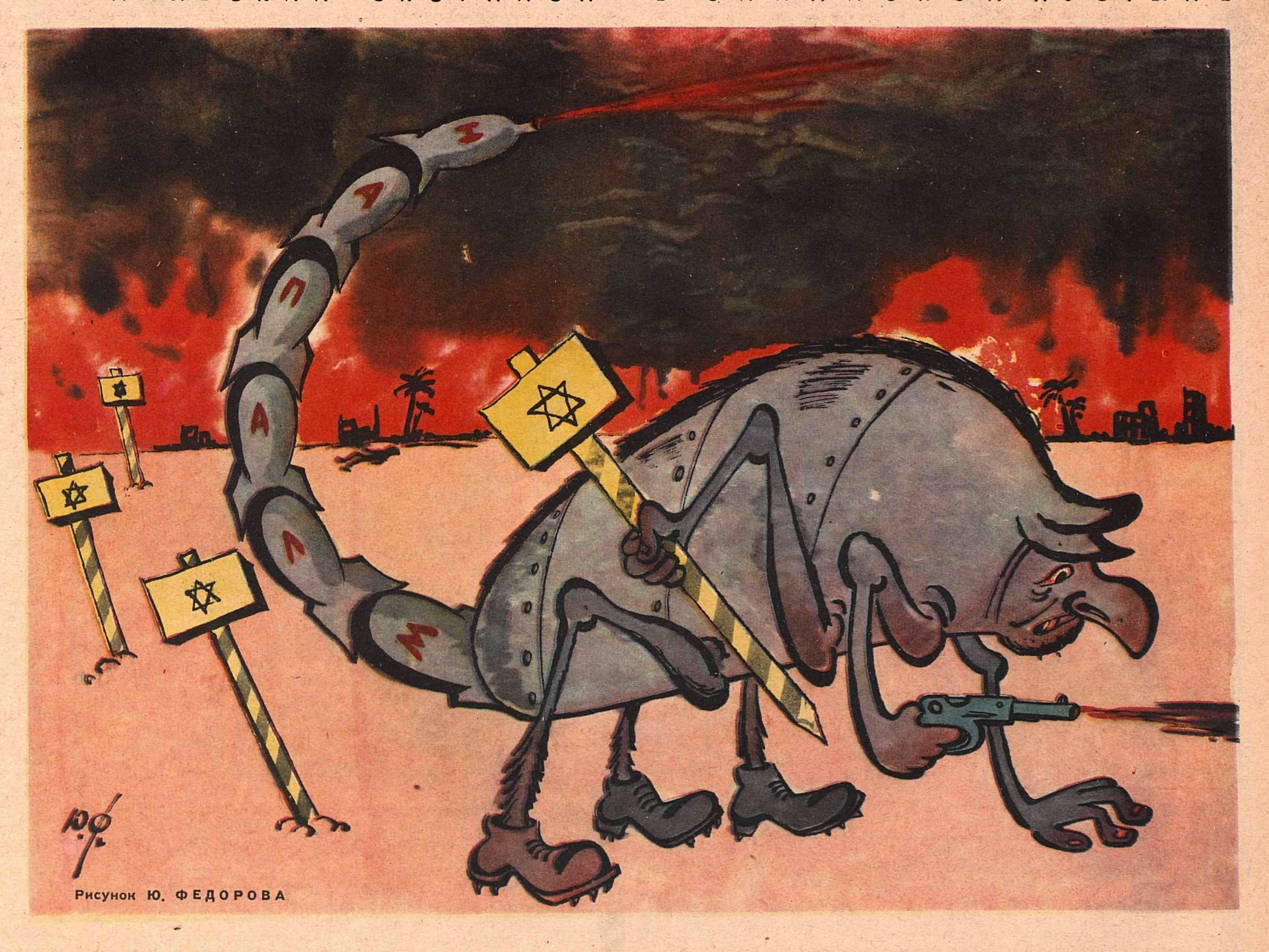

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Боннские филантропы

Федеративная Республика Германия официально объявила о своем нейтралитете в ближневосточном кризисе. Ходят даже слухи, что в Бонне будет создано специальное «ведомство по делам невмешательства», которое станет бороться со слухами обратного порядка.

Нижеследующее интервью с шефом ведомства — назовем его господином Враллем — вполне могло бы иметь место и на самом деле.

— Господин Вралль, заявление министра иностранных дел ФРГ о «строгом нейтралитете в арабско-израильском конфликте» никак не вяжется с военной помощью, оказываемой вами Тель-Авиву.

— Помощь? В первый раз слышу. У вас что-нибудь конкретное?

— О, только факты. Начну издалека. По соглашению, заключенному в декабре 1957 года между ФРГ и Израилем, ваш первоначальный вклад в дело «обороны маленькой несчастной страны» составил тридцать миллионов марок военными товарами.

— Точнее, пятьдесят миллионов. Но мы посылали просто партию пустых ящиков, в которых оказались...

— Вы, очевидно, хотите сказать, что снаряды для танков и гаубицы в эти ящики кто-то подложил. И еще вопрос. Почему часть отправленного в Израиль вооружения вы переправили контрабандой через другие страны?

— Ах, вы, наверное, не знаете, что такое самум! Это горячий песчаный вихрь. Крутит и крутит со страшной силой. Не только ящики уносит — тяжелые танки подкидывает в воздух. Подкинет, бывало, покрутит и забросит на какое-нибудь иностранное судно. А ночью разве увидишь, что попало в трюм? Так и везут их в Израиль.

— Должно быть, самумы бывают и в западногерманских портах?

— О, не говорите, погода в наше время и не такое выкидывает!

— Следовательно, Федеративная республика все-таки вооружала Израиль?

— Уточню: просто дарила кое-что. Обычные подарки к праздникам. А уж коробка это конфет или танк — какая разница? Приятно, что даришь свое.

— В течение 1965 года вы поставили Израилю военных товаров на триста двадцать миллионов марок, в том числе закупленные у США ракеты, подводные лодки, зенитные орудия.

— Вот видите! США. При чем тут Федеративная республика?

— В том же году в Израиль прибыло триста военных экспертов из ФРГ.

— Не триста, а четыреста плюс пятьдесят атомщиков. Но мы были решительно против их вояжа.

— Почему?

— Потому что федеральное правительство и без этого затратило уйму денег на подготовку в Хойберге, Мунстере и Рендсбурге пяти тысяч израильских солдат и офицеров.

— Вы обучали израильтян обращению с ракетным оружием?

— Речь шла лишь о знакомстве с современными приборами.

— Вы имеете в виду холодильники, стиральные машины?

— Да, всякая бытовая электротехника, от холодильника до системы наводки ракет.

— Как расценить ваш подарок для «частей особого назначения» Израиля в виде партии противогазов?

— Типичная дезинформация. Мы действительно послали им двадцать тысяч газовых масок, но откуда мы можем знать, как они намерены их использовать...

— Спасибо за внимание, господин Вралль. Теперь нам все ясно.

— Ничего, ничего, пожалуйста. Хайль!

Ф. РУМЯНЦЕВ

— Проходите! Акт о приемке—на столе...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Кроссворд

— Начнем? — спросил я.

— Давай,— сказал сосед справа.

— Подождите минутку! — подал голос дед слева.

— Опять жди его, как в прошлый раз,— заворчала женщина сверху.

— Итак. Направо: персонаж пьесы Островского. Восемь букв,— прочел я.

— Кабаниха! — живо произнес дед.

— Катерина! — сказала девушка снизу.

— Значит, два варианта. Посмотрим по вертикали,— предложил я.— Советский поэт. Пять букв.

— Дудин, — послышалось сбоку.

— Орлов,— крикнули сверху.

— Ха-ха-ха! — Кто-то громко рассмеялся внизу.

— Тише, ничего не слышно! Выключите радио...

— Это не у нас,— оправдались справа.

— И не у нас,— заметила женщина сверху.

— А у меня вообще нет радиоприемника, только телевизор,— уточнил дед слева.

— Это у моих соседей,— сказала девушка снизу,— но у них никого нет дома...

— Товарищи! — предложил я соседу справа, деду слева и женщине наверху.— Отложим решение. А когда придут ваши соседи,— постучал я каблуком в пол девушке внизу,— скажите, чтобы они выключили радио. Тогда и продолжим...

И все принялись за свои дела. Я сел за письменный стол, сосед за стеной справа включил электрическую бритву, дед слева начал насвистывать арию из «Пиковой дамы», женщина наверху загремела кастрюлями, а девушка стала шепотом повторять заданное наизусть стихотворение...

Все мы живем в новом доме.

С. КАРМ.

(«Молодежь Эстонии» г. Таллин).

— Жюль Верн! — воскликнул тов. Шварц.— Прямо-таки Жюль Верн!

— Да нет,— говорю,— я из «Крокодила».

— Все равно Жюль Верн! Ну, в крайнем случае Герберт Уэллс.

Я впал в некоторое замешательство. Я думал, сейчас позвонят в гостиницу, чтобы справиться, не пробует ли корреспондент летать по номеру с помощью веера и зубной щетки.

А между тем в кабинете заведующего Задонским райпотребсоюзом Ю. Г. Шварца я не развивал никаких фантастических проектов. Ни слова не было сказано о полете к звезде Альфа Центавра. Не упоминалось также ни об оживлении динозавров, ни о дрессировке акул с последующим показом их в аттракционе «Конный цирк». Я просто скромно сказал, что в одной небольшой деревушке работает ресторан с поэтичным названием «Виктория». Вот тут-то меня и сравнили с родоначальником фантастической литературы.

— Но позвольте,— сказал я,— ресторан открыт в вашем районе. В тридцати километрах отсюда.

Юрий Григорьевич саркастически улыбнулся.

— Неужто вы думаете,— спросил он,— что мне — слышите, мне! — неизвестно о какой-либо точке общественного питания? Ресторан в деревне, еще чего! Ха!

Вот тут будет кстати и в самом деле нафантазировать. Пусть не ресторан, пусть хотя бы чайная. Представьте: стоит посреди села уютный домик, а в нем огромный самовар. И еще в нем, простите, пивная бочка. Почтенные бабушки попивают чаек и говорят о погоде.

— Ах, господи,— жалуется одна, накладывая в розетку кизилового варенья,— циклон идет, заморозкам быть.

— Ничего,— успокаивает другая, разламывая печенье «Рассвет»,— на всякий циклон, милая, антициклон есть.

Рядом мужчины потягивают пиво, спорят о футбольном первенстве страны во второй зоне класса «Б».

А в третьем углу укромно сидит парочка. За окном дождь, холод, а здесь хорошо. На столике у них виноградное винцо, конфеты, мороженое. Тетя Маша за прилавком заводит пластинку «Ехал цыган на коне верхом».

Видимо, не один Юрий Григорьевич улыбнется, прочитав эти строки. «Идиллия,— скажут,— прямо-таки Жюль Верн!»

Но нашелся человек, настроенный совсем не фантастически. Человеком этим оказалась бабушка Мария. Она взяла да и открыла ресторан «Виктория». Тот самый, в реальность которого не хотел верить ответственный товарищ Ю. Г. Шварц.

Бабушка Мария подошла к делу трезво. Она учла, что в родном ее селе Виктории нет не только кафе или чайной, но даже крохотного магазинчика.

— Это, люди добрые, безобразие,— сказала она и приволокла откуда-то вместительный чугунок.

Знакомый шофер Вася продырявил его, приварил к нему трубку, и пошла бабушка гнать первачок. Засолила огурчики, подкупила граненых стаканов — и «точка» заработала.

До десяти утра сивуха не продавалась.

— Нельзя,— объясняла бабушка,— постановление было.

Не отпускала продукцию также детям до шестнадцати лет. А всем остальным — с десяти утра и до часу ночи — пожалуйста. Хочешь — на месте выпей, хочешь — навынос.

Случались, правда, и недовольные, ворчали:

— Что-то ты, бабка, сплутовала. Разбавила, небось?

Бабушка крестилась на образа и доставала спички. Самогон горел красивым синим пламенем. Посетитель успокаивался и миролюбиво хрустел огурцом. Потом выламывал из бабушкиного забора дощечку и шел выяснять, почему это у законной супруги Насти не получается таких огурцов. «Укропу пожалела, скареда!» — кричал он.

Наутро, едва дождавшись десяти часов, посетитель приходил опохмеляться. Бабушка Мария не скупилась, давала в долг. Иногда оставляла у себя в шкафу туфли посетителя или какую другую мелочь.

— Будут денежки,— выкупишь,— успокаивала она.

— ...Да-с,— сказал Ю. Г. Шварц, выслушав рассказ о ресторане «Виктория».— Нарушала бабка правила советской торговли, нарушала. Думаю, и меню у нее не было. И вообще кустарщина...

Тут я с Юрием Григорьевичем согласился — кустарщина. А он что-то записал себе в перекидной календарь. Наверное, решил все же посоветоваться с бабушкой, позаимствовать, так сказать, опыт.

Может быть, еще у кого-либо из ответственных товарищей появится подобное желание? Вот на всякий случай адрес бабушки Марии: Липецкая область, Задонский район, село Виктория, Воронина Мария Тарасовна.

Бабушка Мария наверняка поможет творчески решить проблему бытового обслуживания села.

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Задонский район,
Липецкой области

МЕЛИОРАТОРЫ,

ГДЕ ВЫ?

На новоселье в только что построенные дома по Трактовой улице приглашали как-то странно. Сначала осведомлялись, есть ли у приглашенных болотные сапоги, а после обычной фразы «Не вздумайте только приходить с подарками» — добавляли:

— Впрочем, по кирпичику захватить можете...

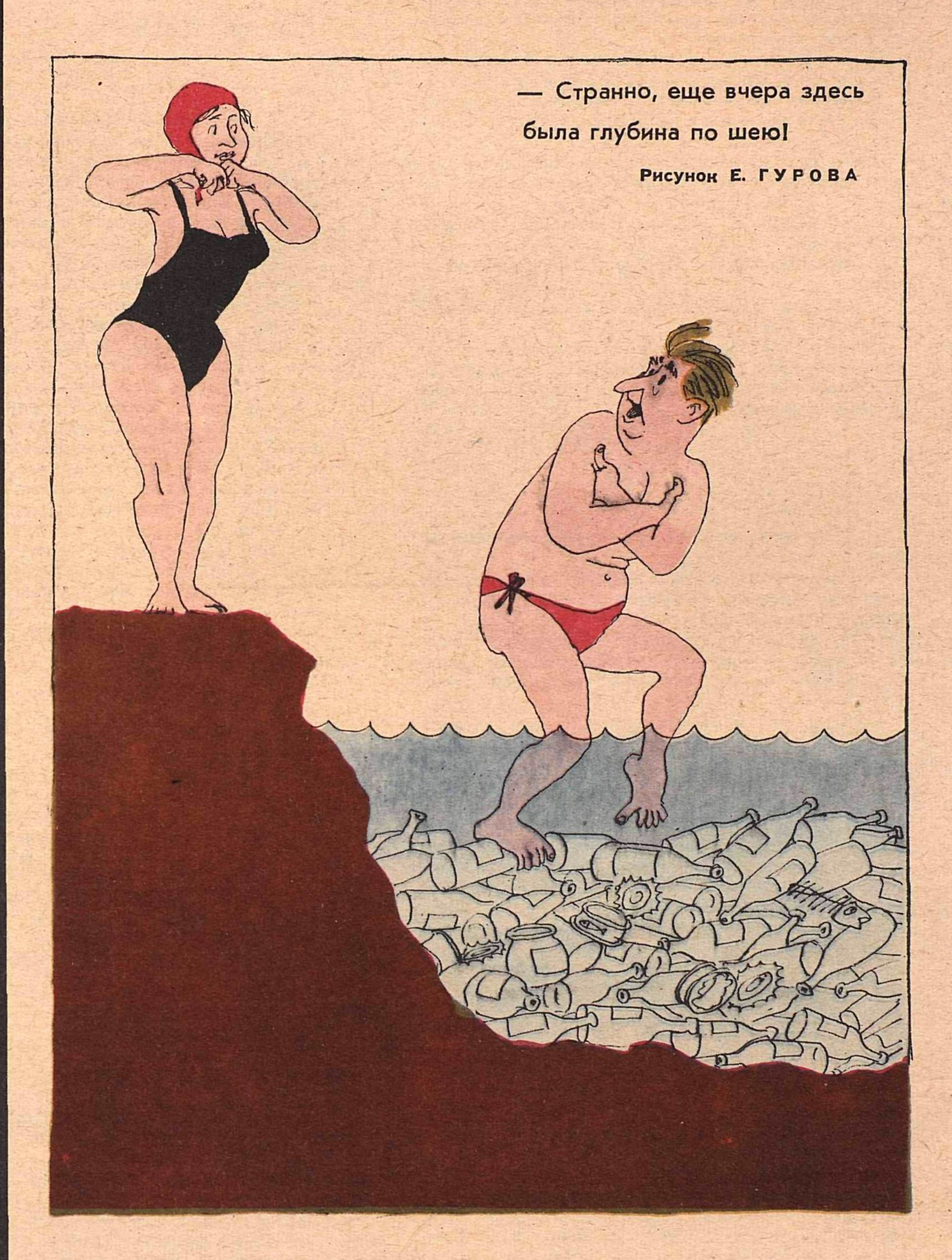
Сами новоселы в процессе меблировки своих квартир приобрели основательные навыки грузчиков. Ни одна атомашина не рисковала подойти к подъездам ближе, чем на 200—300 метров.

Прилагаемый снимок все объясняет.

Мы, жильцы новых домов, не претендуем на то, чтобы окружающие нас искусственные болота были осушены в мгновение ока. Но асфальтовой тропкой или хотя бы деревянными настилами все-таки можно было бы соединить наши жилые островки с городским материком. Во всяком случае, сделать это не труднее, чем выстроить большие благоустроенные дома.

В. СТРОГОНОВ

г. Иваново.

— Странно, еще вчера здесь была глубина по шею!

Рисунок Е. ГУРОВА

Геннадий АНДРЕЕВ

Утро в сосновом лесу

Наши гости — Гордеевы Федор и Валентина — уже ушли, жена протирала рюмки, а я мирно дремал в кресле. Вдруг жена хлопнула ладонью по столу.

— Все, Николай, последний раз так отдыхаем! Следующий выходной, как люди, проведем, где-нибудь за городом. Поплаваем, позагораем...

— Это хорошо,— сказал я,— только ведь я, Наденька, плавать-то совсем не умею, утонуть могу.

— Ничего,— говорит,— это дело поправимое. До воскресенья научишься.

Почти всю неделю я пробултыхался в ванне. Сначала просто погружался в нее, а когда перестал бояться глубины, начал подражать движениям пловцов. Поплыл неожиданно.

В пятницу зашли к нам Гордеевы. Федор, как узнал, что мы приглашаем их за город, руками замахал.

— Нет уж, увольте! Ездили мы как-то на пляж. Столько народу там было — ужас! Мы в сутолоке и речку-то не могли отыскать.

— Ну что ж,— говорит Надежда,— давайте тогда махнем на лесное озеро. Мне в месткоме чудесное местечко подсказали.

Такси остановилось на опушке соснового леса. Невдалеке, шагах в ста, блестело озерцо. Мирная гладь воды, высокие стройные сосны, освещенные утренним солнцем, смолистый аромат, звонкое пение птиц привели всех в восторг. Особенно был потрясен Федор. Он все ходил, гладил деревья и улыбался. Потом взял бутылку водки, что мы с ним привезли тайно от жен, размахнулся и бросил в воду. И я нисколько не рассердился, потому что мне, словно мальчишке, хотелось кричать от восторга и носиться по поляне.

Вдруг в первобытную тишину леса врезался рев моторов, и на поляну один за другим стали въезжать грузовики. Из них выбрасывались десанты отдыхающих и рассыпались по лесу. В мгновение ока трава исчезла под сотнями одеял, а проходы между деревьями оказались затянутыми сетями гамаков. Мы растерянно переглянулись.

— Караул, массовка! — ужасным шепотом просипел Федор.

Ожесточенно сигналя, подкатили машины треста столовых. Продавцы с весами наперевес с ходу завладели важнейшими высотами на поляне и воздвигли бастионы из ящиков с пивом.

Мы постепенно отступали в колючие заросли. Неподалеку стучали топоры — это валили сосны для сооружения лесной эстрады. По деревьям лазили культработники, радиофицируя лес. Вскоре заработал движок и захрипели многочисленные динамики. Лесные птахи испуганно шарахнулись в небо и улетели, побросав птенцов на произвол судьбы. В разных концах поляны раздалось нестройное пение...

Мы решили, немедля ехать домой, да Федор у нас куда-то исчез. Как выполз из кустов на разведку обстановки, так и пропал.

Нашли его на озере. Он нырял за бутылкой, которую утопил утром.

г. Ульяновск.

Мне повезло: удалось приобрести ставший уникальным отбеливающий порошок «Лебедь».

Разрываю пакетик, в нем обнаруживаю другой. Ну, что ж, это хорошо, так надежнее.

Начинаю изучать печатное поучение на каждом пакетике, как применять порошок. С удивлением отмечаю, что в обоих текстах полностью сходится, пожалуй, только наименование изготовителя: Красногорский завод «Бытовая химия».

Один пакетик рекомендует разбавить содержимое сначала **двумя** стаканами горячей воды, а затем растворить **20** литрами холодной и полученное употребить на стирку **2** килограммов белья. Другой же пакетик советует ограничиться **одним** стаканом горячей воды и **10—12** литрами холодной, но вместе с тем разрешает порцию белья увеличить до **3** килограммов.

Учитывая этот разнобой, предлагаю переименовать порошок: назвать его не «Лебедь», а «Лебедь, рак и щука».

Г. ТКАЧЕНКО

г. Елгава.

ПОБЕДА

Товарищеский матч по боксу между первой и второй сборной нашего НИИ был в разгаре, когда по радио прозвучали поразившие меня, как нокаут, слова диктора: «В легком весе за первую сборную вместо объявленного ранее Новошеина будет выступать Сухаревский!». С Сухаревским я ни разу не встречался на ринге и вообще не знал такого боксера. Зато я встречался с ним в его кабинете, он давал мне задания, проверял исполнение, наставлял, поправлял. И вот теперь я при всех должен набить ему физиономию. Конечно, спорт есть спорт, но, с другой стороны, начальник есть начальник.

Гонг. Мы пошли навстречу друг другу и обменялись первыми выпадами. «Как мне вести бой?— думал я.— Сильно бить его нельзя, еще обидится. Но и следовать рекомендации «Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую» тоже не стоит. Это пахнет подхалимажем». Я уклонялся от ближнего боя, маневрировал по рингу и наносил только ответные удары.

В перерыве у нас с тренером, моим товарищем по работе, произошел такой разговор.

— Не вижу спортивной злости, Сашин,— сказал он, обмахивая меня полотенцем.— Ты пассивен, как медуза. Первый раунд просто подарил Сухаревскому.

— Сухаревский — мой начальник,— вяло оправдывался я.

— Знаю, что начальник. А ты вспомни, как этот начальник не пустил тебя летом в отпуск, ссылаясь на то, что некому будет работать.

Во мне шевельнулось забытое недовольство.

— Как недавно он накричал на тебя из-за какого-то пустяка, о котором и говорить-то не стоило.

БЕЛОСНЕЖКА

В нашем городе открылся чудо-комбинат «Белоснежка». Вчера его показывали по телевизору. Машины, похожие на роботов, стирали, гладили, крахмалили, пришивали пуговицы, выводили пятна. Вся процедура занимала тридцать пять минут.

На следующий день я сложила в чемоданчик все, что требовало стирки, чистки, крахмала, и помчалась в «Белоснежку». Очереди не было. На меня смотрели знакомые машины-роботы и незнакомая очень милая девушка — приемщица. Я протянула ей вещи.

В это время открылась входная дверь, впустив большую группу людей.

— Экскурсия,— мило улыбнулась приемщица,— придется подождать.

Экскурсанты прохаживались около машин, время от времени бросая вещи в их раскрытые пасти. Объяснение шло с демонстрацией. Женщины рассматривали на свет полученное белье, а мужчины нежно щупали пришитые пуговицы и накрахмаленные воротнички.

Потом экскурсанты писали восторженные отзывы в книгу, жали руки директору и приемщице.

Экскурсия закончилась. Я протянула девушке вещи. Но в это время на пороге показалась вторая экскурсия.

После третьей экскурсии у меня появилось чувство голода. После четвертой стало клонить ко сну.

Я проснулась от нежного прикосновения руки приемщицы.

— Мы закрываемся. Приходите завтра к открытию.

Я уходила, замыкая собой двадцать первую экскурсию.

Назавтра я встала рано. Экскурсионное бюро включило меня в первую экскурсию. Я сразу успокоилась. Теперь-то уж меня обслужат в «Белоснежке» наверняка.

«Н. Е. ГРОЗДНЕНСКАЯ»

ОПЯТЬ ДВОЙКА!

Заседал семейный совет. Дедушка, бабушка, отец и мать Олега, да и сам он, сидя за круглым столом, не отрывали глаз от дневника ученика восьмого класса Ермолова, в котором выделялась аккуратно выведенная двойка.

— Ну-с, объяснитесь, молодой человек.

— У Малаховича был банкет,— тихо сказал ученик.

— Где?

— В ресторане «Прага». Немного переборщил со «Столичной», потому и не выучил урока...

— Ничего себе оправдание! — саркастически сказала мать Олега.

— Хотя бы покраснел! — добавила бабушка.

— Я больше не буду,— сказал подавленный восьмиклассник.

— Итак, что будем делать? — спросил дедушка.— В наше время за это давали ремня...

— Это антипедагогично! — энергично вмешалась бабушка.

— Может быть, в наказание мы просто не пустим его играть в преферанс к Мозолевским? — спросила мама Олега.

— Ну нет, он легко хочет отделаться,— сказала бабушка.— Пусть до тех пор, пока не исправит двойку, не прикасается к спиртному. Даже к пиву.

— Пусть не курит,— попросила мать Олега.

— Вот-вот! — поддержал дедушка.— Будем воспитывать этого бездельника по всем направлениям. А то дай им только волю...

— Ох, эти дети! — вздохнула бабушка.

— Стыдись, Ермолов! — обратился к ученику дедушка,— ведь ты все-таки на строительстве бригаду возглавляешь, а осилить восьмой класс не можешь. Для чего же мы заставили тебя пойти в вечернюю школу? Бери пример с Олега. Хоть и твой сын, но поучиться у него стоит.

Семейный совет закончился.

«СТУДЕНТ»

БЕЗ ФОРМАЛИЗМА

На днях в нашем городе состоялось совещание на высоком уровне. Как и полагается, был доклад, потом содоклад, проект решения, выборы новых руководителей из прежних руководителей и небольшой завтрак с горячими сосисками и импортным пивом. Все было превосходно. Особенно пиво.

Мне не понравилось одно: в докладе нас критиковали. Не только меня лично, но и еще более высокое начальство нашего города. Мы-де бюрократы, в кабинетах нас не застанешь, решение важных вопросов мы затягиваем, а люди, которые приходят к нам по делу, зря теряют время.

Это неправда. Я могу доказать обратное при помощи веских аргументов.

В тот день, перед обедом, когда я возвращался от парикмахера и направлялся на примерку к портному, я увидел, что в скверике перед нашим учреждением сидит в тени один мой старый друг и читает какую-то газету.

— О, Пешо! Здорово! Сколько же мы не видались? — еще издали радостно кричит он.— А знаешь, ты как раз вовремя. Два дня я непрерывно ищу тебя на работе и все никак не могу найти. А дело-то важное. Слушай, у вас есть вакантное место главного инженера. Как раз для парня моего свояка. Парень очень хороший. И банкетик тебе устроит, и охоту организует, и стенгазету нарисует. И образованный. Немножко не закончил пять классов. Давай назначим его к вам.

— Раз т...
говорю,— в...
только при...
Просто та...
С места п...
— Это п...
несет. А т...
со мной в...
малое цел...
Только я...
ривать за...
приятель ...
— Глянь, ...
кумент сюд...
К нам ...
предприяти...
ки и ивов...
щавшийся ...
— Слуша...
к нему м...
как раз го...
шем Митко...
реждения. ...
Пешо главн...
шо просит ...
в двух сло...
ко, чтобы п...
— Парен...
гел.— На л...
билеты до...
— Вот в...
мне мой ...
«документ»...
— Коли ...
я,— дело в...
пусть прих...
Ну, видит...
Молчите, ...
Сказать-то ...
что никаки...
находимся ...
нии с люд...
деловому, ...
мы такой в...
скверике, в...
формализм...

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ НОЧЬЮ...

Сквозь чернила сумерек в окно заглядывала сырная голова луны.

Я сидел и читал детектив. «— Руки вверх! — скомандовал капитан Синеглазов...»

Я нисколько не удивился, когда услыхал за спиной то же самое:

— Руки вверх!

Я не спеша обернулся. Окно открыто, посреди комнаты стоит грабитель: небритая щетина, в одной руке пистолет, в другой — пустой мешок.

— Если вы настаиваете, то, пожалуйста, меня это нисколечко не затруднит. Но лучше, если бы вы сказали: «Руки за голову!» Это теперь считается более модным,— заметил я.— И потом, зря вы работаете без перчаток. Отпечатки пальцев — это лучше фотографий в фас и в профиль.

Вор между тем начал обшаривать квартиру.

— Но-но, поразговаривай у меня! — грубо прикрикнул он и помахал пистолетом.— Есть в доме что-нибудь ценное?

— Посмотрите в шкафу,— посоветовал я и добавил: — Напрасно вы влезли в окно.

— А что такое? — полюбопытствовал он, засовывая в мешок мой костюм.

— По следам на подоконнике можно определить размер ботинок, исходя из размера ботинок — длину шага, а исходя из длины шага, можно определить ваш рост,— добродушно сказал я.— Только и всего.

Вор побледнел. Дрожащей рукой он налил в стакан воды и судорожно выпил. Успокоившись, он угрюмо поинтересовался:

— Деньги есть? — и опять помахал в воздухе пистолетом.

Меня это разозлило.

— Бросьте эти дешевые эффекты! — жестко сказал я ему.— Я же вижу, что у вас в руках детская игрушка за 37 копеек. Старый фокус. А деньги поищите в кармане пальто на вешалке. Да не наткнитесь на соседей — они у меня люди нервные.

Когда он вернулся, пересчитывая деньги, я продолжал:

— Вот вы сейчас выпили воды. При этом оставили на стакане отпечатки губ. По ним можно определить форму вашего лица.

Он испугался. Его давно небритое лицо задрожало.

— И потом, к чему вам такая куча особых примет? Нос слегка свернут, разные глаза, рыжие волосы, татуировка «Вася» на левой руке, шрам на шее... Стыд! Да всего этого хватит на пятерых,— хладнокровно добивал я его.

По его колючей щеке покатилась тяжелая и скупая мужская слеза. Он встал, держась за стул. Его шатало.

— Я перекуюсь,— прошептал он и всхлипнул.— Держи вещи. Мешок тоже себе забери... Деньги вот... Ну, я пошел.

— Когда в следующий раз придете грабить, посыпайте следы дустом или на худой конец махоркой, иначе вас выследят элементарной собакой! — язвительно прокричал я ему вслед.— И вообще, читайте детективы, повышайте квалификацию...

«БРИТЫЙ КАКТУС»

Мое оскорбленное достоинство искало выхода.

— Как он, пользуясь своим служебным положением, стал ухаживать за лаборанткой Ниночкой, за которой первым начал ухаживать ты!

Я с ненавистью посмотрел в противоположный угол, где, расслабив мышцы, отдыхал Сухаревский.

Как только прозвучал гонг, я подбежал к Сухаревскому и обрушил на него всю ударную силу своих перчаток. Однако он уклонился, нырнул под мою правую, а когда я повернулся, встретил меня апперкотом. У меня перехватило дыхание. Я был вынужден закрыться, уйдя в глухую защиту.

Во втором перерыве тренер сказал:

— Не теряй головы, Сашин! Не горячись, иначе проиграешь! Сухаревского тоже надо понять. Если бы он пустил тебя в отпуск летом, научная тема была бы под угрозой срыва.

Это, пожалуй, верно.

— Повышенный же тон начальства просто не нужно принимать близко к сердцу. С него тоже спрашивают.

Конечно, и с него спрашивают.

— Ну, а если говорить откровенно, то Ниночка всегда держала тебя на дистанции, да и Сухаревскому пока не поддается.

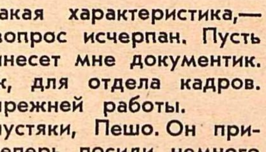
Верно. Ведь не поддается!

В третьем раунде я часто атаковал, но не горячился. Нащупав слабое место Сухаревского — его увлечение обманными движениями,— я делал вид, будто принимаю их за чистую монету, но в последний момент изменял направление ударов. К концу раунда я послал Сухаревского в нокдаун.

Победу по очкам присудили мне. Тренер был доволен.

— Вот видишь, Сашин,— сказал он,— главное — выбрать правильную тактику, и тогда никакой противник, даже такой, как Сухаревский, тебе не страшен.

«НОК АУТ»

акая характеристика,—
вопрос исчерпан. Пусть
несет мне документик.
к, для отдела кадров.
прежней работы.
пустяки, Пешо. Он при-
теперь посиди немного
холодке, отдохни. Не-
о мы сейчас сделали.
сел и начал просмат-
головки в газете, как
меня отвлек.
Пешо, вот и сам до-
да шагает,— говорит.
приближался директор
я «Хозяйственные сум-
ые корзины», возвра-
из бани.
ай, Рангел,— обратился
ой приятель,— мы тут
ворили с Пешо о на-
, курьере из твоего уч-
Хотим назначить его к
ным инженером, да Пе-
документ. Скажи ему
вах, какой парень Мит-
окончить с этим делом.
ь огонь! — сказал Ран-
юбой футбольный матч
станет!
идишь? — обратился ко
друг.— А ты заладил:
да «документ»...
так,— капитулировал
шляпе. Скажи Митко,
одит за авансом.
е теперь? Что скажете?
а? И будете молчать.
ведь нечего. Потому
е мы не бюрократы, а
в непрерывном обще-
ьми. Смотрите, как по-
не мешкая, разрешили
ажный вопрос прямо в
холодке, безо всякого
а.

«АСКЛЕПИЙ»

— Слово имеет кукушка. Приготовиться петуху.

Рисунок М. БИТНОГО

СЮРПРИЗ

Долгое время моим пациентом был Иван Иванович Ивашкин — директор станкостроительного завода. Однажды я решил позвонить ему по телефону и справиться о самочувствии:

— Скажите, пожалуйста, директор у себя?

— Его нет,— нежным девичьим голосом ответила трубка и стукнула рычагом.

— Простите, мне нужно узнать, где...— вторично позвонил я.

— На совещании,— пропела секретарша.

«Доктор, спокойно!» — сказал я себе и третий раз набрал номер.

— Еще раз беспокою... Мне необходимо уточнить, когда...

— У нас не справочное бюро!

Несколько дыхательных упражнений из комплекса «Наши нервы — в наших руках» вернули мне равновесие.

— Звоню вам четвертый раз. Вы можете ответить как нормальный человек или...

— Гражданин, здесь культурное учреждение. Не хамите!

Стойка на голове по системе йогов позволила снова приступить к телефону.

— Дорогая девушка,— как можно спокойнее сказал я и даже не узнал своего голоса,— девушка...

— Я для вас не дорогая, что вы пристаете!

— Я не пристаю, а хочу добиться от вас...

— Добивайтесь от других. Со мной этот номер не пройдет. Выпили, так сидите и не чирикайте.

— Что значит чи-чи-чи... Вы, де-дев-ушка, что?.. Чи-чик-ушка...

Мой язык почему-то заговорил морзянкой, а подбородок начал отплясывать чечетку. «Болезнь Паркинсона обычно сопровождается дрожанием головы и конечностей» — услужливо всплыла фраза из медицинского справочника.

— Вот видите, вы меня уже спутали с чекушкой, а скоро назовете поллитровкой. Алкоголик! Сочувствую вашей несчастной жене и советую лечиться...

За всю вторую половину дня эта невоспитанная особа лишь дважды удосужилась поднять трубку. В остальное время мне не удавалось правильно набрать номер: перед глазами плыли красные круги телефонного диска, хотя диск был белым, и цифры, к моему удивлению, менялись местами, как футбольные игроки во время матча. Потом, помню, пришла моя дочь Линочка, почему-то сказала «Ах!» и начала набирать «03». Вечером, сидя у моей постели, Линочка рассказала, что застала меня у открытого холодильника. Очевидно, я пытался просунуть голову в морозилку и таким образом поставить себе холодный компресс, но это долго не удавалось.

На второй день меня навестил мой старый пациент — директор завода Иван Иванович Ивашкин. Он очень огорчился, узнав, что я несколько прихворнул.

— Но папе уже лучше,— сказала Линочка,— слава богу, вернулась речь. Ой, папуля! У меня для тебя сюрприз: я уже самостоятельный человек, я уже три дня, как поступила на работу!

— Куда? — радостно спросили мы с женой.

— На станкостроительный завод.

— Это наш общий сюрприз,— улыбнулся Иван Иванович.

— Ке-ке-кем? — спросил я.

— Секретаршей директора.

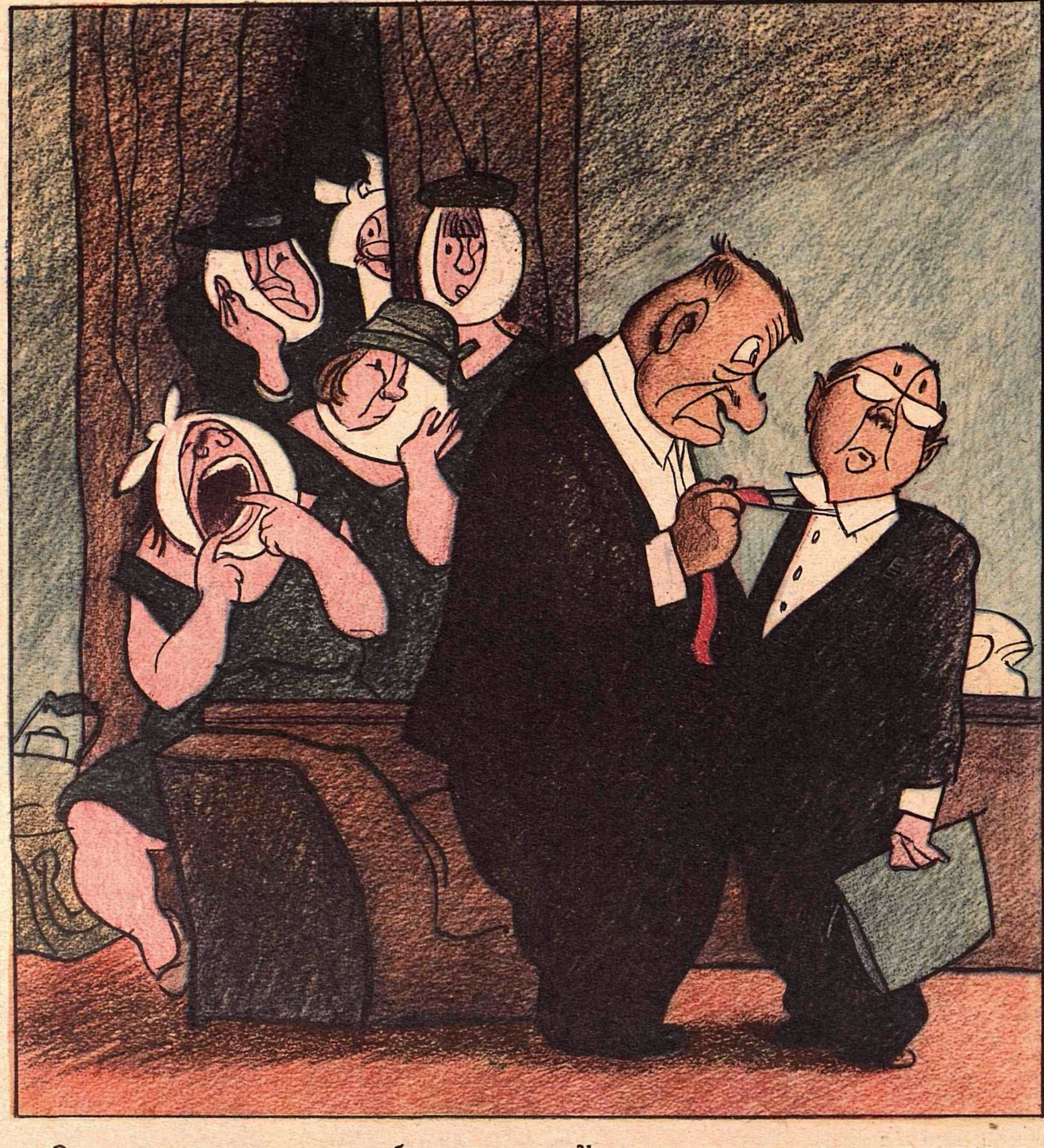
«БУДЬТЕ СПОКОЙНЫ!»

Ясон ГЕРСАМИЯ

СУХУМСКИЕ ФОНТАНЫ

— Это ты пустил слух, что я зубы заговариваю?!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Это неважно, как называется контора, верьте слову. Я специально приехал в Сухуми. Мне следовало получить в неупомянутой конторе справку, подтверждающую, что я — это я. По-моему, большинство справок только для этого и нужно. Не так ли?

В конторе было тихо и прохладно, как будто и не было на свете знойной сухумской жары и неумолчного шума на улицах. Согласитесь, это приятно. Меня встретил сотрудник такой любезной улыбкой, какая достается на долю разве только именитого родственника. Я человек пожилой, робкий, и вежливость иногда доставляет мне удовольствие.

Добрый, теплый взгляд этого сотрудника словно бы говорил: «Дорогой, ну проси что хочешь, все сделаю».

Я не остался в долгу и нежным голосом сказал:

— Могу ли я, дорогой мой, видеть самого директора?

— Не можешь, уважаемый, его нет.

— А заместителя товарища директора?

— Тоже нет. Кроме меня, никого в конторе нет.

— Послушай, сейчас половина одиннадцатого. Неужели еще никто не приходил на работу?

— Почему не приходил? — обидчиво сказал сотрудник.— Пришли и ушли. Все ушли.

— Не скажешь ли, куда?

Сотрудник так скорбно посмотрел на меня, что мне захотелось его утешить.

— Садись, пожалуйста,— сказал он.— Будешь моим гостем. Раздели мое одиночество. Будем пить чай самого лучшего сорта, самый ароматный.

Я сел. Стал пить чай. Самого лучшего сорта. Самый ароматный.

— И все-таки,— осторожно спросил я,— куда ушли все сотрудники и начальство? Если это не секрет, конечно.

— На похороны. Умерла тетя директора. Хорошая женщина. Очень добрая женщина.

— Это ужасно. Терять хорошую, добрую тетю так неприятно...— посочувствовал я.— Но все-таки почему ушла вся контора?

— Из уважения к директору.

— Ага. У вас очень отзывчивые сотрудники. Но, надеюсь, после похорон они зайдут в контору?

— Нет, дорогой мой, не зайдут. Вся контора будет сопровождать директора на поминки.

— Понимаю. Сотрудники очень уважают вашего директора?

— Уважают? — вскричал сотрудник.— Обожают! — И просветленно улыбнулся, словно раннее солнце, выглянувшее из-за вершины горы.

Я поблагодарил за чай и пошел к морю, чтобы как-то успокоиться. Меня не на шутку тронула столь горячая и единодушная любовь сотрудников конторы к директору и его усопшей тете.

На другое утро я снова пил чай. Ароматный. Лучшего сорта. Конечно, в компании любезного сотрудника, или — как он мне по-приятельски назвал свою должность — первого заместителя заведующего хозяйством.

— Ах, ах, опять тебе не повезло,— сказал он в перерыве между двумя глотками.— Директор и сотрудники поехали в больницу навестить больную жену вышестоящего начальника.

Я опять задал наивный вопрос:

— Но почему ушли все сразу?

— Ради экономии средств. Для сотрудников заказали автобус, а он как раз вмещает всю контору.

Я поблагодарил за конторский чай и пошел к фонтанам у театра. Говорят, они успокаивают лучше, чем морские волны.

На третий день я приступил к делу сразу.

— Говори, дорогой, без чаепития, куда контора уехала сегодня?

— На свадьбу,— очень охотно ответил заместитель завхоза.— На свадьбу нашей секретарши.

Ну, что тут скажешь? Девушка выходит замуж, дело житейское... Я сел пить чай. Самого лучшего сорта. Ароматный. Мой друг между тем не спеша рассказывал автобиографию.

— Послушай, дорогой,— прервал я его как раз на том месте, когда он начал ходить в школу.— Бывают такие дни, когда ваша контора работает?

— Конечно, бывают... В тех случаях, когда никто из родственников директора не болеет, не умирает, не женится, не справляет новоселье, день рождения ребенка, свадьбу или десятилетие со дня смерти предка. Наш директор уважает обычаи. А сотрудники обожают директора.

Я почувствовал, что пора бежать к фонтанам. «Пофонтанившись», спешно вернулся в контору, чтобы использовать антинервную зарядку.

— Дорогой, поведи меня, пожалуйста, на свадьбу вашей секретарши. Может быть, я уговорю директора выдать мне справку,— попросил я.

— Я бы, уважаемый, с удовольствием поехал с тобой, но у нас кончились лимиты на транспорт.

— А это далеко?

— Да. Придется взять такси.

Первый зам. завхоза пригнал за мой счет такси и деловито погрузил в него пишущую машинку, папку с бумагой и копиркой.

Справку напечатала сама невеста, директор подписал и поставил печать. Я вернулся домой веселый и хмельной: вы сами понимаете, жених и невеста долго не отпускали меня. Эта контора умела кутить.

Когда я положил проклятую справку на стол моего начальника, он изумился:

— Какая справка? Ах да, помню, помню. Но, дорогой, ты ужасно опоздал.

В нашем городе нет спасительных фонтанов, поэтому я закричал:

— Какого черта вы гоняете меня за справкой о том, что я — это я?!.. Я три дня подряд пил конторский фонтан, заряжался чаем, танцевал на свадьбе с пишущей машинкой, целовался с первым заместителем завхоза...

Начальник с беспокойством посмотрел на меня.

— Голубчик, не надо... Вы расстроены. Вам надо подлечить нервы. Сходите-ка лучше к психиатру... Пусть он выдаст вам справку о состоянии вашего здоровья.

Я вновь поехал в Сухуми и явился к психиатру. В приемной было прохладно и тихо. Оказывается, врач поехал на вокзал встречать гостей. Будут праздновать повышение по службе его брата.

Я помчался к фонтанам. Незаменимая вещь, скажу я вам!

(Из цикла «Страшные невероятности»)

Иван Степанович Куфаркин брал взятки. И был пойман за руку. Его судили и приговорили.

Вскоре с Иваном Степановичем, человеком сырым и полным, случилась еще более крупная неприятность: он скоропостижно скончался.

Душа Ивана Степановича прямым сообщением вознеслась к престолу всевышнего. И там, у подножия, его снова стали судить, но теперь уже в суде верховной небесной инстанции.

Всевышний был выходной, председательствовал апостол Петр, сердитый старец. По правую и левую руку от него восседали небесные заседатели, тоже старички — седобородые, симпатичные, с нимбами установленного образца над лысыми головами.

— Отвечай, тварь дрожащая: брал?! — возгремел Петр на всю вселенную.

— Позвольте объяснить...— заикаясь, начал было Иван Степанович, но председатель бешено затряс головой, борода у него встала дыбом.

— Отвечай по существу! Брал?!

— Брал...

Петр пошептался с заседателями (процедура тут была простая, без особых затей) и сам огласил приговор:

— В ад! На вечные муки!

Кто-то сзади тронул Ивана Степановича за рукав. Он оглянулся и увидел опрятного гражданина в кепке-беретике, в пижонском синтетическом коротком пальтишке. Лицо чистое, без особых примет, лишь на левой щеке маленькая родинка в виде паучка.

— Пройдемте!

— Разве это... недалеко?

— Два шага!

Идти пришлось по облакам, белым, словно гусиный пух. Они мягко пружинили под ногами, как поролоновый толстый ковер. Осмелев, Иван Степанович сказал своему спутнику:

— Летая при жизни на самолетах, неоднократно наблюдал из окна машины точно такую же сугробистую облачность и, не скрою от вас, всегда испытывал жгучее детское желание: выпрыгнуть и, так сказать, погулять.

— И вот гуляете! — вежливо улыбаясь, сказал кепка-беретик.

— Позвольте поинтересоваться: вы... оттуда?

— Оттуда.

Ничего страшного и таинственного не было в приятном облике провожатого. Хотя бы одна какая-нибудь там жутко-кошачья черта в гладко выбритом лице, хотя бы странный гипнотический блеск в черных глазах. Ни-че-го!

— Как прикажете вас называть?

— Меня зовут Асмодей. И батьку моего тоже звали Асмодеем. Так что... Асмодей Асмодеевич, к вашим услугам.

— Скажите, Асмодей Асмодеевич... если это только, конечно, не секрет... что мне могут припаять... там, у вас?

— Я ведь только провожатый,— мягко ответил Асмодей Асмодеевич.— Я вас приведу, а уж потом вам там... назначат.

Показался деревянный, уходивший в бесконечность неказистый забор унылого, бурого цвета. В глаза Ивану Степановичу бросилось жалкое сооружение — нечто вроде пропускной будки. Подле будки на воле стоял и грыз семечки вахтер в черной потрепанной шинельке, в кирзовых сапогах, с нетрезвой сизой харей. Вахтер был вооружен вилами.

— Ваш? — спросил Иван Степанович у Асмодея Асмодеевича, показав ему глазами на страшноватого вахтера.

— Скорее ваш. Некоторых грешников мы переводим на работу по обслуживанию. Таких, у кого грешки помельче,— сказал Асмодей Асмодеевич и коротко бросил вахтеру: «Со мной!». Тот вытянулся и принял вилы «на караул».

За забором глазам Ивана Степановича открылась иная картина. Тут уже не было идиллически белых облаков, тут клубились, налезая друг на дружку, черные, в оранжевых подпалинах тучи, и среди туч возвышалось кубической формы мрачное здание — бетон и стекло, шик-модерн!

Подошли к мощным дверям. Двери открылись сами собой, и Иван Степанович оказался в зале, как ему показалось в первое мгновение, музея восковых фигур. Приглядевшись, он понял, что фигуры-то живые!

Здесь был собран богатый ассортимент мук. Булькая, кипела смола в двух больших чанах, из чанов высовывались головы — лысая мужская и всклокоченная женская. Какой-то невзрачный брюнетистый грешник, проворно работая языком, лизал раскаленную докрасна сковородку. Другой, полный, одутловатый, сидел на колу, задрав колени и обхватив их руками. Некто с вислым носом, похожий на бабу-ягу, сменившую на старости лет свой женский пол на мужской, плевал в бетонную стену, и кипящая ключом слюна его, ударяясь о бетон, летела назад прямо ему в лицо. Не утираясь, он продолжал плевать да плевать. Рядом, у той же стены, стоял большеглазый и ушастый грешник, похожий на сову. Этот колотил в бетон лбом — на весь зал раздавался мерзкий, мокрый стук. На лбу у него с каждым новым стуком все больше и больше вздувалась сине-багровая дуля, но он как ни в чем не бывало продолжал стучать. Еще один стоял на голове и с лицом, налитым кровью, читал в этой неподходящей для чтения позиции толстенную рукопись.

Асмодей Асмодеевич положил руку на плечо побелевшего Ивана Степановича.

— Это всего лишь наш демонстрационный зал. Для психологической подготовки мы показываем вновь прибывшим образцы грехов и казней. Здесь, как бы для рекламы, собраны показательные грешники, они мучаются, не испытывая мук. Понимаете? Я могу, если хотите, пояснить, кто и за что.

Иван Степанович робко кивнул головой.

Асмодей Асмодеевич сказал, начав свои объяснения:

— Тот, который на колу сидит, наказан за подсиживание. Всю жизнь добирался к креслу, какое повыше, и, как видите, добрался.

«Понятно,— смекнул Иван Степанович.— Видимо, у них форма наказания соответствует существу греха. Довольно-таки примитивное решение по своему идейно-художественному уровню».

— А тот, который работает с горячей сковородкой, надо полагать, из подхалимов? — спросил он, радуясь собственной догадливости.

— Правильно! При жизни он лизал нечто более прохладное.

— А тот, который стучит лбом, наверное, доносчик, клеветник?

— По стуку догадались?

— По стуку! А вот, который плюется, плевака этот, он кто таков?

— Завистник, злыдень. Все и всех оплевывал, даже своих друзей.

— А который читает, стоя на голове, он йог, что ли?

— Нет, плагиатор-графоман — собственную рукопись читает!

— Любопытно! — сказал Иван Степанович и стал озираться, ища глазами свой грех. И тут же его увидел. В углу стоял мужчина с жидкой бороденкой, в зеленом вицмундире с фалдочками. Наклоняясь, он брал из жаровни, стоявшей на полу, багровые от жара угольки и, подержав их с минуту-другую в голой руке, бросал назад в жаровню. Потом наклонялся и снова брал.

— Это ваш брат взяточник,— сказал Асмодей Асмодеевич.

— Из старых чинуш, что ли? Какой-то щедринский тип!

— Не забывайте, что муки-то у нас вечные!

— Асмодей Асмодеевич, дорогой, позвольте мне ему один вопросик задать!

— Вообще это не полагается. Ну, да ладно. Но только один вопрос!

Подошли к взяточнику в вицмундире. Он стоял на круглой тумбочке с табличкой «Титулярный советник В. В. Брюшков. Взятки».

— Оторвитесь, Брюшков! — сказал Асмодей Асмодеевич.

Титулярный советник бросил угли в жаровню, вытер руки одна о другую и уставился на Куфаркина. Его геморроидальная физиономия выразила живейшее любопытство.

— Скажите, господин Брюшков, вы когда брали, то брали только для себя, в единоличном, так сказать, порядке? — задал свой вопрос Иван Степанович.

— Так точно, для себя, единолично!

— Продолжайте, Брюшков! — строго сказал Асмодей Асмодеевич, прекращая нелегальное интервью. Титулярный снова занялся угольками, Иван Степанович потащил Асмодея Асмодеевича в сторону.

— Что с вами? — спросил демон, глядя на его возбужденное лицо.

Взяточник наклонился к его уху:

— Асмодей Асмодеевич, миленький, а нельзя ли и меня сюда, в демонстрационный, тоже для рекламки, а? Поскольку я белобилетник и физически непригоден... для прочего. Я бы, так сказать, не остался у вас в долгу!

Что-то дрогнуло в лице демона.

Иван Степанович продолжал нашептывать:

— Вы у нас, внизу, на земельке нашей, бываете?

— Бываю. В командировках.

— Асмодей Асмодеевич, миленький,— снова зашелестел Куфаркин на ухо демону.— Могу дать вам адресок моего особого тайничка. Золотишко и дензнаки. На следствии и то не признался, где закопал. Жена... вернее, вдова моя, и та не знает. Захотите погулять в ресторанчике с девочками на полный земной разворот — пригодится!.. Пойдите навстречу, Асмодей Асмодеевич, будьте столь гуманны!

— Единственно, что я могу для вас сделать,— сказал Асмодей Асмодеевич нерешительно,— это вывести вас отсюда за ворота. Скажу, что потерял вас по дороге в ад, в облаках. Вы станете неприкаянной душой — ни тут, ни там. Но, конечно, придется кое-кому сунуть для порядка. Понимаете?

— А как же! Только... где же я там в облаках буду питаться? Тем более что я на диетическом...

Асмодей Асмодеевич благодушно похлопал взяточника по объемистому его брюху.

— При вашей теперешней нематериальности живот ваш — лишь форма без содержания. Ну, давайте адресок тайника.

— За воротами, Асмодей Асмодеевич, за воротами! Из уст в ухо — как полагается.

...Если теперь вы увидите из окна самолета, летящего на большой высоте, странную сизую тень, мелькающую в облаках,— знайте, что это не тень это блуждает, таясь среди облачных сугробов, неприкаянная душа Ивана Степановича Куфаркина — грешника, сумевшего за взятку откупиться от адских мук.

— Проверил посевы: уже выше пояса!

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

— У него медовый месяц...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Асен БОСЕВ

Весы

В народе
Есть особые весы.
Они точны,
Как лучшие часы.
Они ведут нелицемерный счет:
Не ошибается народ.

Тот на весы с трудом залез,
Но это кажущийся вес.
Людей он внешним видом не обманет
И на весах,
Быть может, легче пуха станет.

А тот и худ и видом скромен,
Но вес его заслуг огромен.
На чашку встанет — не зевай,
Тут только гири подавай!

В народе
Есть особые весы.
Они точны,
Как лучшие часы.
И всех нас по уму и по делам
Народ оценивает сам.

Мелкий ремонт

Поехал ночью пьяный кто-то —
Сломал мне кузовом ворота.
Я прихожу в ремстройконтору.
— Починим все без разговора!
Ворота — это ерунда!
Тащите завтра их сюда.

Оратор

Он в преньях часто выступает:
Все, что услышит, повторяет.

Работа над собой

Этот чиновник
Глядит индюком.
«Здравствуйте»,— скажешь,
Ответит кивком.

Если задашь
Ненароком
Вопрос —
В небо уставит
Начальственный нос.

Занят он делом,
Полон забот —
АВТОРИТЕТ
Он себе создает...

Инструктаж

В селе инструктор появился,
И на крестьян
Он напустился.
— И то и это не годится:
Не перекопана пшеница,
Ячмень окучить позабыли,
Овес ни разу не полили,
Не опылили рожь заране —
Крестьяне вы иль не крестьяне?

Перевел с болгарского В. ВИКТОРОВ.

ГДЕ КАКАЯ ОЧЕРЕДЬ

В войсках Белорусского военного округа объявился Косенок. И начал он оказывать свое влияние на тамошний рядовой и сержантский состав. К тому же не безрезультатно: демобилизованные воины как надраили сапоги да распрощались с друзьями по оружию, так и поехали из-за этого вот Косенка в привольные казахские степи — на строительство Ерментауского щебеночного завода.

Едучи, сурово пели: «Я уехала в знойные степи...».

А через год в Ерментау не осталось почти никого.

— Вообще-то нужда в людях у нас острая,— пояснил недавно Николай Косенок — начальник Ерментауского СМУ-3.— Нам надо сейчас больше тысячи человек, а есть двести.

А вообще-то острая нужда сначала возникла вовсе и не в людях. Щебенка до зарезу понадобилась Министерству промстройматериалов Казахстана.

Завод задумали строить в степи, за двенадцать километров от Ерментау. Сделали проект. По проекту начинать следовало с прокладки водопровода и линии электропередач, со строительства жилья для первых пятисот строителей. Для их же нужд надобились столовая, баня, клуб, магазин.

Все это хозяйство называлось «подготовительным периодом», и отпускалось на него первых девять месяцев 1964 года.

Тут-то Министерство промстройматериалов и озадачилось таким проектом. Щебенка нужна сию секунду, а срок поставки по плану — третий квартал 1966 года. Но долго озадачиваться было некогда, и пришлось догадываться в темпе. В темпе и догадались: если начать не с каких-то там жилых домов или клубов, а сразу с возведения цехов, то вот и будет определенное убыстрение строительства, вот и получится экономический эффект. И к тому же — палаточная романтика для строителей. А надоевший всем домашний уют придет потом.

Начали. Приехал из Целинограда начальник стройуправления, смотрит: жить негде. Покрутился — выкрутился, снял у кого-то комнату. Приехали строители, смотрят: жить негде. Покрутились и уехали. Где еще брать рабочих?

Поаукали по аулам — отозвалось десятка два животноводов. Всего набралось романтиков человек восемьдесят вместо пятисот.

Приступили.

Но, конечно, стали не укладываться в сроки.

Пригнали по железной дороге вагончики, поселили в них еще сто человек. Стали платить железной дороге за аренду вагончиков.

Но, конечно, опять не стали укладываться в сроки. Тем более, что народ охотно разбегался со строительства. И тем более, что из-за этого стали все-таки отвлекаться от цехостроения и потихоньку постраивать домики для жилья и даже (взяли грех на душу) столовую. Убегания притормозились.

А тут оборудование для завода. Дорогое, импортное. Уж слишком оно вовремя начало поступать, слишком уж по проекту. Его бы устанавливать надо, да некуда: сроки-то срываются. Положили его в привольной степи под чистым небом, чтобы лежало, ждало и, дай-то бог, поменьше бы портилось от непогод и поменьше исчезало бы неизвестно куда.

За отставания строители стали ходить в отстающих — без премиальных и без переходящих знамен. Снова стали убегать. Как те солдаты, заманенные из Белоруссии.

Наступил наконец и третий квартал шестьдесят шестого года... Впрочем, говоря откровенно, наступил наконец и второй квартал нынешнего года. А итог такой: в первую очередь — нет щебенки, во вторую — нет людей.

А теперь острая нужда возникла в железобетонных изделиях. И возникла она у Министерства мелиорации и водного хозяйства Казахстана. Ну, такая нужда, что задумываться тут просто некогда.

В Ерментау же и будут строить такой завод. По соседству со щебеночным. И СМУ то же самое.

И вообще пора уже приступить к строительству. И вообще все будет по тому же проверенному принципу: вот вам, братцы, для начала триста пятьдесят тысяч, но тратить их с исключительно экономическим эффектом — только на заводовозведение. А вокруг пускай будет романтика, и только романтика, и пускай вкусят ее взявшиеся откуда-нибудь романтики: вдруг полюбится?

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила
г. Ерментау,
Целиноградской области.

— Мы решили всем дать возможность высказаться...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Я ругался с буфетчицей потому, что поезд отходил скоро и не было времени на обдумывание слов. Когда я увидел, что поезд все равно тронулся, я окончательно остался и тогда спокойно продолжил спор».

(Из объяснительной.)
Копию снял Э. СЕНЬКЕВИЧ.
г. Минск.

«Новицкая приходится мне директором по работе. Но и дома она остается директором, несмотря на мои возражения о том, что дома она должна быть женой».

(Из объяснения в суде.)
Выписал В. ДЕНИСОВ.
г. Архангельск.

«ТАК ДЕРЖАТЬ!

С хорошими показателями начали юбилейный год коллективы медвытрезвителей № 4, 2 и 1 г. Новокузнецка. В марте в управлении милиции состоялось собрание работников медицинских вытрезвителей. На нем был вручен переходящий вымпел коллективу медвытрезвителя № 1, выданы денежные поощрения и объявлена благодарность отличившимся.

Включившись в социалистическое соревнование, этот коллектив стремится работать хорошо, не допускать нарушений социалистической законности, добиться максимального сбора средств за услуги.

Большое воспитательное значение имело социалистическое соревнование между сменами. Трудно переоценить заслугу в этом деле начальника вытрезвителя тов. Боровикова. Всю энергию и время отдает он организации работы медицинского вытрезвителя, оборудованию помещения, благоустройству территории. Он во всем показывает пример подчиненным. Благодаря его неутомимой энергии коллективу удалось выполнить план по взысканию денежных средств.

Хочется верить, что коллектив медвытрезвителя будет так же напряженно трудиться весь юбилейный год.

Майор милиции
С. ПОПОВ».

(Из газеты «На боевом посту», Кемеровская область.)

Греческое телевидение ведет передачу по трем каналам. Грек включает первый канал. Появляется генерал Патакос и кричит: «Наша задача состоит в том, чтобы избавить Грецию от угрозы безбожного коммунизма! Все греки...»

Раздосадованный грек переключается на второй канал. Появляется премьер-министр Коллиас и говорит: «Мы поднялись, чтобы устранить угрозу коммунизма. Коммунизм — главный враг христиан...»

В бешенстве грек щелкает переключателем и переходит на третий канал. На экране появляется солдат с винтовкой наперевес и рычит: «А ну крути обратно на первый или на второй канал!»

●

Сотрудник ФБР в ресторане:

— У вас новый официант?

— Как вы догадались?

— Вижу на посуде незнакомые отпечатки пальцев.

●

— Это ужасно! — возмутилась жена футбольного болельщика.— Ты знаешь наизусть календарь первенства и имена всех футболистов, но держу пари, что ты не помнишь даты нашей свадьбы.

— Ничего подобного. Мы поженились, когда «Спартак» выиграл у «Пахтакора».

●

— Почему ты покрасил одну сторону своего автомобиля в зеленый цвет, а другую в красный?

— Если я, не приведи бог, задавлю человека, показания свидетелей не совпадут...

●

— Что за привычка свистеть во время работы?

— А я вовсе и не работаю. Я только свищу...

●

— Если тебе так везет в карты, почему же ты не играешь на бегах?

— Если бы я мог спрятать лошадь в карман, я бы непременно играл на бегах.

●

— Мания величия и комплекс неполноценности могут совмещаться.

— Каким образом?

— Представьте себе человека, который убежден, что у него величайший в мире комплекс неполноценности!

●

— Моя жена вечно выпрашивает у меня деньги. На прошлой неделе просила двести долларов, позавчера — сто тридцать, а сегодня утром — сто пятьдесят.

— Удивительное дело! И куда только она их тратит?

— Откуда мне знать? Я ведь никогда ей ничего не даю.

ПТИЦЫ СЕЛИ НА ГНЕЗДА

В восьмом номере журнала был напечатан фельетон А. Крылова и А. Моралевича «Любовь № 15». О разграблении с суши, моря и воздуха Кызыл-Агачского заповедника.

Вскоре после выхода журнала в заповедник поехала представительная комиссия.

Комиссия работала тщательно и долго. А тем временем, пока «факты, приведенные в...» подтверждались, редакция получала от читателей отклики, письма.

Начну с самых коротких. Вот что написал товарищ П. Славнов из Куйбышева:

«Не верю, не верю, не верю. Такого, что описано в фельетоне, произойти не могло».

Е. Дробинина из Кривого Рога поверила с оговорками:

«Если бы журнал не был изданием газеты «Правда», я не поверила бы, что такое может происходить».

Лишь товарищ Г. Каск поверил в изложенное от точки до точки и отозвался кратенько:

«Ужас!»

Были и еще десятки писем от людей, которые очень любят природу и волнуются за нее.

«Как пять пальцев знаю я заповедник Кызыл-Агач,— пишет подполковник запаса С. Мельников из города Дятьково.— В 1936 году я долго прожил вблизи заповедника. И было там в ту пору куда больше порядка и живности».

Читатели пишут и о других заповедниках. О бедности заповедников, бесправии егерей и мягкости наших законов к браконьерам.

Прислал очень убедительное письмо доктор биологических наук А. Потапов из Москвы:

«Возглавляемая мною экспедиция неоднократно испытывала химические средства, отпугивающие комаров, в Астраханском заповеднике. И из года в год мы наблюдали неравную борьбу заповедника с тамошним целлюлозно-бумажным комбинатом. Комбинат всегда клал заповедник на обе лопатки, и комбинатские агрегаты пожирали заповедный тростник. А в то же время заповедник не имел даже бульдозера. Бульдозер смог бы насыпать «островки спасения» для животных на случай половодья. Но островков никаких не сделали, и в половодье 1966 года тут утонули сотни кабанов».

«Все говорят: природа, природа! Газеты пачками сыплют статьи: будем оберегать, будем охранять. А я скажу так,— пишет москвич Н. Крикунов. — Покуда в этом деле будет сплошной формализм, толку нам не видать. Вот есть общества по озеленению и охране природы. А в членской книжке только одно: где ставить галочки об уплате членских взносов. Ни о правах тебе, ни об обязанностях — ничего. Ни собраний, ни работы, ни инструктажа. Мертвечина. Отсюда все и ведется».

И, завершая этот обзор, я хочу сказать, что больше всего откликов получено от людей, которые, казалось бы, удалены дальше всех от природы.

Много писем, замечательных писем, мне прислали шахтеры.

«Нам обидно (кончим этим письмом) из года в год читать о браконьерах, разоряющих наши просторы. Ясное дело, по шахтерской специальности они не работали. Здесь, в шахте, человек открывает себе, каково обходиться без живой природы. Под землей только уголь, да грохот, да вой вентиляторов. Нам особо дороги птицы и, может, еще с той поры, когда шахтеры брали под землю в забой канарейку. Птицы подавали знак людям, если в шахте скопится газ. Так они выручали наших дедов, а от дедов закон дорожить всем живым пошел к нам. Так что пора уже не мусолить это «Берегите природу!», а беречь, да по листику беречь, по букашке! От семнадцати товарищей-шахтеров криворожской шахты «Южная» — Н. Тимошенко».

А тем временем комиссия в Кызыл-Агачском заповеднике подвела итоги. Факты, изложенные в фельетоне «Любовь № 15», подтвердились. И В. Денисов, председатель комиссии и зам. начальника Главного управления по охране природы, известил меня, что:

1. Начато обширное следствие по поводу злоупотреблений в черте заповедника.

2. Весь Малый Кызыл-Агачский залив с 50-метровой полосой побережья предполагается включить в территорию заповедника.

3. Комиссия обязала министра сельского хозяйства Азербайджанской ССР М. Р. Халилова в декадный срок представить схемы перепланированных пастбищ, чтобы ни одна из десятков тысяч овец больше не паслась в заповеднике.

4. Управлению охраны природы Азербайджанской ССР поручено запретить всякую охоту в километровой полосе вдоль всех границ Кызыл-Агача для создания охранной зоны.

5. Министерство рыбного хозяйства СССР в подпунктах «т» и «у» статьи 9 «Правил рыболовства в Каспийском море» предусматривало промысловый лов рыбы в заповедных водах залива имени Кирова на Каспии. Комиссия просила Совет Министров СССР обязать Минрыбхоз отменить эти подпункты.

6. Прокуратуре, Верховному суду и Министерству охраны общественного порядка Азербайджанской ССР поручено подготовить изменения и дополнения в законодательство, чтобы усилить борьбу с браконьерством.

7. Как известно, на территории заповедника действует три посторонних хозяина: два рыбхоза и нутриеводческая ферма. Все три эти хозяйства предложено как можно скорее передать заповеднику.

8. Комиссия попросила Министерство сельского хозяйства СССР обеспечить заповедник приборами ночного видения, телефонной связью по всей территории между егерскими постами, быстроходными катерами и мотолодками, средствами на содержание ведомственной милиции и проектирование центральной усадьбы заповедника.

9. Все виды хозяйственной деятельности на территории заповедника запрещены.

Итак, читатель, с удовольствием сообщаю тебе, что отныне в заповеднике тихо. Птицы сели на гнезда.

КРОКОДИЛ

«Кому нужна эта петрушка?»

Под таким заголовком в первом номере «Крокодила» за нынешний год было опубликовано письмо старого рабочего В. А. Шкатова. Писал он о том, как бездушно отнеслись к нему администрация и профсоюзная организация Магнитогорского вагонного депо, когда он уходил на пенсию.

Обзор многочисленных откликов на этот материал хочется начать с ответа заместителя министра путей сообщения СССР тов. Матвейцева. Он сообщил, что письмо старого рабочего было обсуждено общественными организациями депо, что приняты меры, направленные на улучшение проводов ветеранов труда на отдых (какие именно меры, редакции, к сожалению, неизвестно), и что тов. Федичев, работавший ранее председателем месткома депо, на отчетно-выборном собрании в новый состав месткома не избран.

Что же касается бывшего осмотрщика вагонов В. А. Шкатова, то его, по мнению заместителя министра, совершенно правильно не отметили и не поощрили. Ибо за 43 года работы в системе железнодорожного транспорта он допускал служебные проступки, а также не очень образцово вел себя в быту. «Треугольник» Магнитогорского депо, также приславший в редакцию ответ, уточняет прегрешения В. А. Шкатова: он дважды разводился, а в 1965 году временно был переведен на низкооплачиваемую работу за нарушение графика движения пассажирского поезда.

Если стать на точку зрения заместителя министра, то завершение многолетней трудовой деятельности — еще недостаточный повод, чтобы сказать человеку несколько теплых слов. Надо еще, чтобы он был ангелом: не допускал на протяжении сорока лет работы ни одного служебного проступка, не разводился с женами, не курил и пользовался только свежими носовыми платками.

Конечно, честь и хвала тем, кто прожил абсолютно безупречную жизнь. Но, увы, не всякий может этим похвастать. Между тем проводы на пенсию — не награда за особый трудовой героизм. За трудовой героизм вручают ордена и медали. Проводы на пенсию — это просто проявление участия, внимания к пожилому человеку.

Вот почему так грубо и неуклюже выглядит стремление руководства Магнитогорского вагонного депо во что бы то ни стало очернить В. А. Шкатова, лишь бы самим выглядеть попристойнее. В иных местах ответ из Магнитогорска звучит просто комично: Шкатову памятный подарок не был вручен, дескать, потому, что против этого возражали... бывшие члены его семьи. Позвольте, но ведь 43 года на транспорте работал Шкатов, а не бывшие члены его семьи!

Думается, заместитель министра, который проконтролировал руководителей Магнитогорского вагонного депо, был в состоянии дать их действиям должную оценку. Почему же такой важный вопрос сведен к служебным проступкам В. А. Шкатова?

Частично на этот вопрос отвечают другие письма. Читателя Д. М. Веренича трудно упрекнуть в том, что он недостоин внимания. 38 лет проработал Дмитрий Матвеевич на Дальневосточной железной дороге. Его награждали именными наркомовскими часами, значком «Отличному движенцу», двумя знаками «Почетному железнодорожнику», медалями, орденом Ленина!.. Но когда этот кадровый рабочий уходил на пенсию, ему просто указали на дверь, даже не сказав спасибо, не говоря уже о памятном подарке.

Кстати, о подарках. Характерно, что читатели, откликнувшиеся на письмо старого рабочего (а среди них немало пенсионеров), отнюдь не требуют каких-то сверхценных подношений. Они просят чуткости, внимания, моральных, а не материальных доказательств того, что их не забыли.

Многочисленные письма читателей свидетельствуют, что не везде к старым рабочим относятся с должным уважением.

Крокодил надеется, что центральные профсоюзные органы примут необходимые меры, чтобы ни одного труженика не провожали на пенсию так, как старого магнитогорского рабочего В. А. Шкатова.

МИМОХОДОМ

Вырос без родителей и потому считал себя самородком.

Страшно подумать, какой хаос воцарился бы на дорогах жизни, если бы на них установили указатели.

Поступь прогресса: раньше оскорбления смывались кровью, ныне — чернилами.

Используя опыт Аэрофлота, в некоторых театрах не мешало бы пристегивать зрителей ремнями.

Возможно, в нем жил великий актер, но — инкогнито.

Ц. МЕЛАМЕД

Не каждый наушничающий — радист.

Веселых комедий до смешного мало.

Очковтиратель плыл по морю жизни в надувной лодке.

Не все угодники — святые.

Выставки иных скульпторов посетители покидают с каменными лицами.

Когда покупатели требовали немнущиеся ткани, продавцы мялись от смущения.

Т. КОНСТАНТИНОВ

В учреждении: делу время, интригам — час.

Автор-склочник добился постановки своей бесконфликтной пьесы.

Тренер считал пропущенные голы накопленным опытом.

А. ЧИКАРЬКОВ

Оркестр начинает играть не раньше, чем дирижер махнет на него рукой.

У него не все дома — ушла жена.

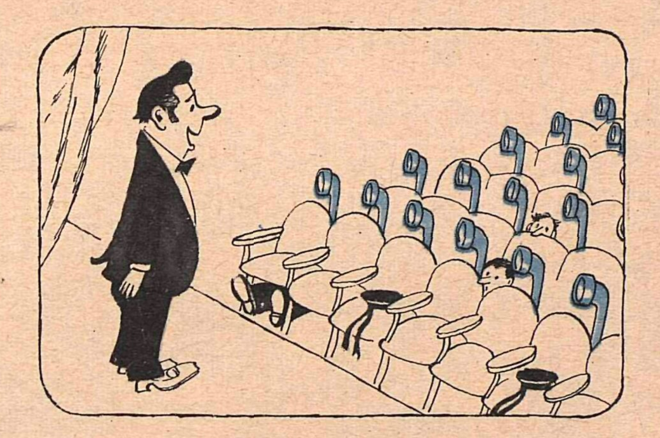
Музыка была сворована вся как есть: от до до до.

АРГО

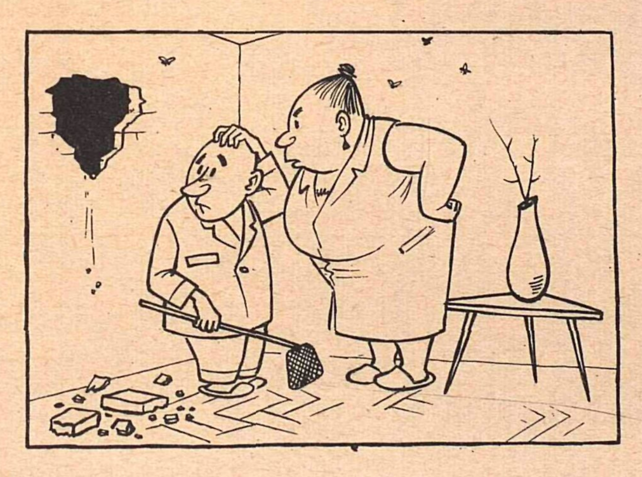
— Я только что получила права!

Рисунок А. ГРУНИНА

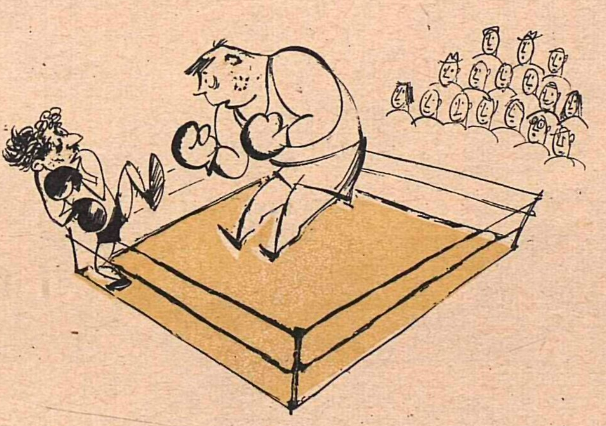
— Дорогие товарищи подводники, начинаем наш концерт!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

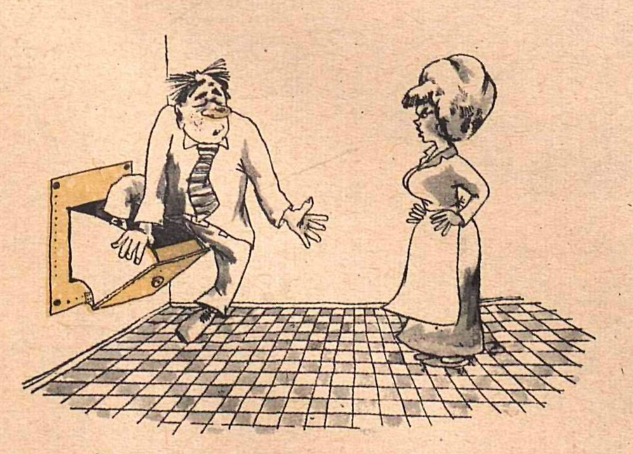
— Я же говорила, что лучше пользоваться мухомором!

Рисунок П. ГЕЙВАНДОВА

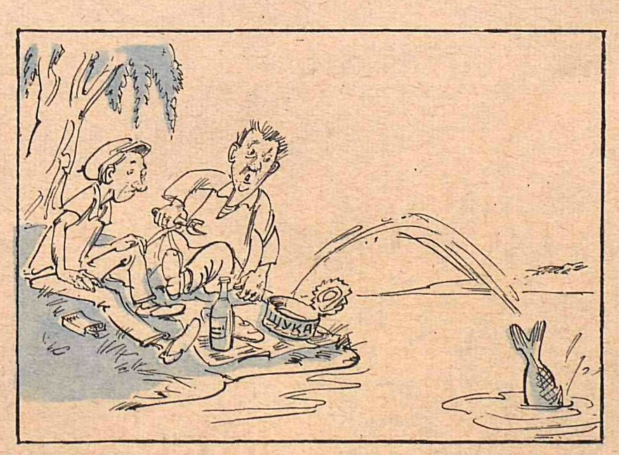
— Не подходи, вдарю!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Да, ты убедила меня, что я никчемный, никудышный человек...

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Нет, не умеют у нас еще как следует консервировать!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

КРОКОДИЛ

№ 18 (1848)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера разработали: М. Битный, М. Вайсборд, В. Воеводин, П. Гейвандов, А. Грунин, С. Кузьмин, А. Скотаренко, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман, Е. Шабельник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00126.
Подписано к печати 19/VI-67 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
2 печ. л., 2,80 усл. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 921.
Заказ № 1837.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

— Мы стоим и будем стоять на своем!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА